

Л.Н. Дмитриевская

**ОБРАЗ МИРА И ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА:
ПЕЙЗАЖ, ПОРТРЕТ, ИНТЕРЬЕР
В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»**

Монография

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3 (2Рос=Рус)-44
Д53

Научный редактор:

д.ф.н., профессор *И.Г. Минералова*

Дмитриевская Л.Н.

Д53   Образ мира и образ человека: пейзаж, портрет, интерьер в романе Е. Замятина «Мы» [Электронный ресурс] : монография / Л.Н. Дмитриевская. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 120 с.

ISBN 978-5-9765-2804-8

В монографии Л.Н. Дмитриевской дан новый взгляд на роман Е. Замятина «Мы»: через пейзаж, портрет, интерьер рассмотрены образ мира и образы героев. Автор обращает внимание на художественный стиль Е. Замятина и функциональность описательных средств в романе. Е. Замятин раскрывается как мастер словесной живописи и живописной стилизации.

УДК 821.161.1-31

ББК 83.3 (2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-9765-2804-8

© Дмитриевская Л.Н., 2016

© Издательство «ФЛИНТА», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Творческое кредо Е. Замятина: «+, –, – –»	4
«МЫ»: памфлет, антиутопия или пророчество?	11
Образ будущего в литературе 1910–20-х годов. Рождение замысла романа «МЫ»	19
Пейзаж в романе Е. Замятина «МЫ»: образы трёх миров через диалог художественных методов	26
Портреты героев в романе «МЫ»	59
Интерьер в романе Е. Замятина «МЫ»: образ мира и образ человека	95
Заключение	108
Иллюстрации	110

Творческое кредо Е. Замятина:

«+, —, — —»

«...ощущение необычайной стремительности, динамичности нашей эпохи, ... чувство времени – развито до умения давать только синтетическую суть вещей»¹.

«+, —, — —

вот три школы в искусстве – и нет никаких других. Утверждение; отрицание; и синтез – отрицание отрицания»², – так начинает свою статью о «Синтетизме» (1922) Е. Замятин.

Большое искусство рубежа веков – с 1890-х по 1920-е включительно – живёт идеей синтеза, творит, сгущая, сжимая мысль в малую форму, ёмкий образ, символ. Вот требование мира к современному искусству, живущего стремительно в ускорившемся времени: *«Старых, медленных, дормезных описаний нет: лаконизм – но огромная заряженность, высоковольтность каждого слова. В секунду – нужно вжать столько, сколько раньше в шестидесятисекундную минуту: и синтаксис – эллиптичен, летуч, сложные пирамиды периодов – разбросаны по камням самостоятельных предложений. В быстроте канонизированное привычное ускользает от глаза: отсюда – необычная, часто странная символика и лексика. Образ – остр, синтетичен, в нём – только одна основная черта, какую успеешь заметить с автомобиля»³.*

---

¹ Замятин, Е. О синтетизме [Текст] / Замятин, Е. // Собрание сочинений: в 5 т. Т.3. Лица. – М.: «Русская книга», 2004, С. 171.

² Замятин, Е. О синтетизме [Текст] / Замятин, Е. // Там же. С. 164.

³ Замятин, Е. О литературе, революции, энтропии и прочем [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3., С.179.

Символисты, футуристы, кубисты, суперматисты... «и все мы, – пишет Е. Замятин, – большие и малые, работающие в сегодняшнем искусстве»⁴, творят, стараясь по-своему остановить мгновение, вместить на полотно, в стихотворение, в кинокартину огромный ассоциативно развивающийся смысл.

Наверное, в ближайшей перспективе подобную эпоху можно увидеть только в средневековье: тогда искусство тоже было заряжено концентратом смыслов, правда, объяснялось это не насыщенностью каждой секунды времени, а духовной, религиозной заряженностью.

Идею синтеза в искусстве развивают на рубеже веков, прежде всего, символисты⁵, опираясь на труды языковеда, литературоведа, крупного теоретика лингвистики А.А. Потебни.

По мнению А.А. Потебни, в основе художественного творчества лежит взаимодействие внешней и внутренней формы произведения. Внутренняя форма всегда больше внешней, и от жанра зависит насколько больше⁶: в малом жанре пословицы, в стихотворении сжат колоссальный смысл, который разворачивается ассоциативно, через метафору; проза же (особенно роман) более гармонична во взаимодействии внутренней и внешней формы – этот род литературы не стремится к сгущению, концентрации смысла в ма-

---

⁴ Замятин, Е. О синтетизме [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3., С. 165.

⁵ Минералова, И.Г. Русская литература серебряного века (поэтика символизма) [Текст] – М., 1999.

⁶ А.А. Потебня в главе «Поэзия. Проза. Сгущение мысли» в книге «Мысль и язык», уподобляя литературные роды и виды слову, пишет: «Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова. Если это сравнение верно, то вопрос об изменении внутренней формы слова оказывается тождественным с вопросом об отношении языка к поэзии и прозе, то есть к литературной форме вообще». (Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] – Л.: Лабиринт, 2007, С. 155.)

лом объёме.

Но эпоха рубежа веков с её стремительностью, динамичностью потребовала от художников всех видов искусств «*давать только синтетическую суть вещей*». Появляется и особый вид прозы, вбирающей в себя присущие поэзии лиричность, ассоциативность, насыщенность образов. В этом плане особенно показательна проза А.П. Чехова, И.А. Бунина, А. Белого, Е. Замятина, Б. Пильняка, Ю. Олеши... (Недаром в романе «Мы» герой-повествователь Д-503 называет свои конспекты *поэмой*, попутно придумывая название – «Мы».)

Специалист по художественному синтезу в русской и мировой художественной культуре, основатель научной школы по изучению синтеза в русской литературе И.Г. Минералова несколько статей посвятила Е. Замятину, в одной из которых заметила: «*Именно благодаря ему свежо зазвучали идеи синтеза искусств* (здесь и далее в цитатах выделено нами – Л.Д.), *идеи, провозглашенные символистами и за полтора десятилетия изрядно потертые*»⁷.

У Е. Замятина внутренняя форма лучших произведений многократно шире внешней формы, что достигается чаще всего за счёт богатой метафоричности языка. Внешняя форма и содержание, например романа «Мы», крайне просты: они строятся на противопоставлениях Единого государства – мира за зелёной стеной, серых людей-номеров – мохнатых диких людей... Если «прочитать» лишь внешнюю форму, роман может показаться надуманным, сконструированным и неглубоким, но... Образы в романе претендуют быть «экс-

---

⁷ Минералова, И.Г. Евгений Замятин как мастер словесной живописи [Текст] / Минералова И.Г. // Национальный и региональный «космо-психологос» в художественном мире писателей русского подстепья (И.А. Бунин, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин). Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. – Елец, 2006, С. 328.

трактом»: *«только суть, экстракт, синтез, открывающийся глазу в сотую секунды, когда собраны в фокусе, спрессованы, заострены все чувства»*⁸.

В этом плане интересен используемый Замятиным знак «— —», в предложении равный многоточию (в повести «Островитяне» в подобных случаях стоит многоточие)⁹. В романе «Мы» «— —» используется часто как обозначение фигуры умолчания, когда повествование прерывается сильными эмоциями, неоднозначным, непонятым или опасным для героя Д-503 выводом. Например, этим знаком обрываются размышления о душе (после того, как был поставлен диагноз, что у Д-503 она есть): *«Душа? Это странное, древнее, давно забытое слово. Мы говорили иногда «душа в душу», «равнодушно», «душегуб», но душа — —»*. Эллиптических концовок предложений в романе много. Каждый раз в знаке «— —» Д-503 сгущает, сжимает философскую мысль, даёт выражение всего сложного, опасного, для себя непонятого...

Знак «— —» графический, чертёжный. Таким образом, в «Мы» представлен синтез слова и графики: линия наполнена ёмким смыслом, и смысловую напряжённость линий в романе автор подготавливает словом. В статье «О синкретизме» Е. Замятин писал, что в десятки линий современного художника¹⁰ *«вложено столько же творческого напряжения, сколько вчерашнее искусство вкладывало в сотни. И оттого каждая из линий несёт в себе заряд в десять раз больший»*¹¹. В романе «Мы» Е. Замятин проявил себя как современный художник.

---

⁸ Замятин, Е. О синтетизме [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3., С. 171.

⁹ Такой же знак, как фигуру умолчания, можно встретить в романе А. Ремизова «Часы» (1908).

¹⁰ Е. Замятин считает таким художником Юрия Анненкова. Часть статьи «О синтетизме» посвящена именно ему.

¹¹ Замятин, Е. О синтетизме [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3., С. 172.

И.Г. Минералова в статье «Е. Замятин как мастер словесной живописи» находит у писателя с инженерным образованием талант рисовальщика: *«Дело ведь явно не только в том, что инженер не имеет права не владеть начертательной геометрией, вынужден мыслить «объемно», но ему живопись и ее искания и открытия родственны изначально»*¹².

Уже с первых повестей («Уездное», «На куличках», «Алатырь» и др. произведений 1910-х годов) Е. Замятин раскрывается как синтетическое дарование, способное идею своей прозы отразить в рисунке. Этот факт подтверждает проект обложки к повести «На куличках».

Писатель предлагал три варианта иллюстраций, которые на языке другого искусства должны были донести чувство одиночества уездной России: *«Первая. Чёрное небо – звезда – одна, может быть, и ниже и ближе других. Внизу – высокая, глухая стена – циклопическая. У подножия стены, спиною к зрителю, отдельные, одинокие, чёрные силуэты людей, не то бьющихся в эту стену, не то старающихся увидеть звёзды.*

Вторая. Чёрный утёс – край света. Внизу крутится бесконечный океан. На краю утёса – мужская фигура протягивает руки к солнцу, может быть, у солнца – женское лицо.

*Третья. То же, что и в первой, – чёрное, звёздное небо. Внизу ночной океан и головы тонущих людей: одиночки, по двое. Рты раскрыты, кричат, никто не слышит»*¹³.

Словесная иллюстрация к повести «На куличках» – это тот самый «экстракт» смысла, о котором Е. Замятин позже будет писать в своих статьях.

---

¹² Минералова, И.Г. Евгений Замятин как мастер словесной живописи [Текст] // Там же. С. 328.

¹³ Цитируется по: Комлик, Н.Н. Е.И. Замятин в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей [Текст] – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2010, С. 33.

Все творчество Замятина синтетично ещё и потому, что он 1) писатель – по дарованию свыше и 2) инженер, корабельный архитектор – по образованию. Со дня окончания Петербургского политехнического института Замятин успешно совмещает литературное творчество с деятельностью специалиста в морской инженерии: повести и рассказы выходят в печати параллельно со статьями о кораблестроении, художественное творчество соседствует с логарифмами, чертежами, инженерными проектами...

Образ корабля в художественном творчестве Замятина не случайно стал ёмким символом современного мира, который потерял устойчивость и едва держится на плаву: *«По вечерам и по ночам – домов в Петербурге больше нет: есть шестиэтажные каменные корабли. Одиноким шестиэтажным миром несётся корабль по каменным волнам среди других одиноких шестиэтажных миров; огнями бесчисленных кают сверкает корабль в разбушевавшийся каменный океан улиц. И, конечно, в каютах не жильцы: там – пассажиры»*¹⁴ (рассказ «Мамай»). Образ корабля будет часто встречаться и в романе «Мы».

В 1916-м Замятина как специалиста по корабельной архитектуре направляют в Англию для наблюдения за постройкой русских ледоколов. *«Там – строил корабли, смотрел развалины замков, слушал, как бухают бомбы с немецких цеппелинов, писал повесть “Островитяне”»*¹⁵, – так, одним предложением, об этом периоде своей жизни напишет Замятин в автобиографии.

Английская диалогия «Островитяне» (1918), «Ловец человеков» (1921) – «уездное» из английской жизни. В них зарождаются образы, идеи, символы романа «Мы», в котором

---

¹⁴ Замятин, Е. Мамай [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.1, С. 475.

¹⁵ Замятин, Е. Автобиография [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.2, С. 4.

«уездное» разрастётся до всемирного, пророческого образа будущего, где цивилизация победила природу, разум – мечту, машина – человека... В этих произведениях Е. Замятин стилизует рациональное, механически выверенное, телеграфное мышление цивилизованного человека. С языком он работает как инженер, оттачивая каждое слово до ёмкой метафоры.

Стиль «Островитян» и «Ловца человеков» оценил критик 20-х годов А.К. Воронский: *«Впервые художником дан тот отчеканенный, сгущённый стиль с тире, пропусками, намёками, недосказаниями, та кружевная работа над словом и поклонение слову...»*¹⁶ Правда, критик упрекнул и в манерности, пересыщенности, игре со словом.

В английской дилогии и «Мы» сильна связь слова с живописью¹⁷: большую смысловую роль играет цветовой эпитет. В рассказе «Ловец человеков» через белый – розовый – затем малиновый цвета в подтексте проводится мысль о внешней мёртвенности, но внутренне ещё живущей душе Лори. Через цвет характеризуются герои романа «Мы»: серые безликие нумера, синяя и розовая О-90, шафранно-жёлтая в Древнем Доме I-330... Цвет – символ, экстракт смысла, но смысла не всегда рационально объяснимого, чаще интуитивно чувствуемого. Цвет заменяет описание, становится портретом, символом..., потому что для Е. Замятина *«старых, медленных, дормезных описаний нет»*, есть *«лаконизм – но огромная заряженность, высоковольтность каждого слова»*¹⁸.

---

¹⁶ Воронский, А.К. Литературные силуэты. Евг. Замятин [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/w/woronskij_a_k/text_0080.shtml

¹⁷ Смысловая плотность произведений 1920-х – начала 30-х годов достигается уже не столько через синтез с живописью, сколько через обращение к мифологии («Север», «Знамение», «Землемер» и др.), параллелям с историей Древней Руси и последними днями Древнего Рима («Куни», «Атилла», «Бич Божий»).

¹⁸ Замятин, Е. О литературе, революции, энтропии и прочем [Текст] /

«Мы»: памфлет, антиутопия или пророчество?

Не успев выйти в печать в Советском Союзе, роман «Мы» Е. Замятина разошёлся в рукописи и сразу привлёк внимание критики – в нём увидели, главным образом, памфлет на социалистическое, капиталистическое общество, и признали также его роль прогноза на будущее. О памфлетности романа в Советском союзе писали больше, чем о пророческой роли.

После выхода романа в Америке (Нью-Йорк, 1924 год) и Европе (Прага, 1927 год) западная критика назвала его **антиутопией**¹⁹, положив начало огромному пласту исследований нового жанра. С конца 80-х годов XX века, когда роман был впервые опубликован на родине – в 1988 году вместе с романом О. Хаксли «О дивный новый мир» – русская филология подключилась к исследованию романа-антиутопии, забыв о его «памфлетности».

О «Мы» как о романе-пророчестве исследователи упоминали нередко, но всё же эта его роль в XX веке не мыслилась первостепенной. XXI век, возможно, снова поменяет акценты в оценке романа.

Замятин, Е. // Там же. Т.3., С. 179.

¹⁹ «АНТИУТОПИЯ (греч. Anti – против, utopia утопия) – пародия на жанр утопии; подобно сатире, может придавать своеобразие самым различным жанрам: роману, поэме, пьесе, рассказу. Если утописты предлагали человечеству рецепт спасения от всех социальных и нравственных бед, то антиутописты, как правило, предлагают читателю разобраться, как расплачивается простой обыватель за всеобщее счастье». (Б.А. Ланин.) (Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] // Под ред.: А.Н. Николюкина. – М., 2003, С. 38.

Памфлет?

В начале 20-х годов знаменитый критик А.К. Воронский откликнулся на рукописный ещё роман «Мы», который он оценил с художественной стороны, но не принял с точки зрения идеологической: *«Роман о будущем, фантастический роман. Но это не утопия, это художественный памфлет о настоящем и вместе с тем попытка прогноза на будущее»*. Далее критик с позиции истинного коммуниста, искренне верящего в возможность воплощения всеобщего равенства и счастливой жизни, поясняет своё неприятие романа: *«Роман производит тяжелое и странное впечатление. Написать художественную пародию и изобразить коммунизм в виде какой-то сверх-казармы под огромным стеклянным колпаком не ново: так издревле упражнялись противники социализма – путь торный и бесславный. <...> И все здесь неверно. Коммунизм не стремится покорить общество под ножи единого государства, наоборот, он стремится к его уничтожению, к тому, чтобы оно отмерло. Коммунизм не ставит целью поглощение “Я” – “Мы”, он ведет к синтезу личности с общественным коллективом...»²⁰*.

Итак, знаменитый критик 20-х годов А.К. Воронский почувствовал, что роман Е. Замятина «Мы» – это *«попытка прогноза в будущее»*, но раскритиковал его как *«памфлет о настоящем»*. Замятину такой взгляд показался узким: видимо, он не разделял романтического взгляда на коммунизм.

Думается, что автор романа ответил критику(ам) в статье «О литературе, революции, энтропии и прочем» (1923), сравнив современных критиков с человеком, который потерял вещь «в-вон т-там», но ищет её тут под фонарём, где светло и всё видно. Идея коммунизма и социализма в данном случае

---

²⁰ Воронский, А.К. Литературные силуэты. Евг. Замятин [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/w/woronskij_a_k/text_0080.shtml

---

такой фонарь.

В 1932 году в интервью журналисту Фредерику Лефевру для журнала «Les Nouvelles» Замятин опроверг обвинения романа «Мы» в узкополитической, памфлетной направленности и оценил его значение шире: *«Близорукие рецензенты увидели в этой вещи не больше, чем политический памфлет. Это, конечно, неверно: этот роман – сигнал о двойной опасности, угрожающей человечеству: от гипертрофированной власти машин и гипертрофированной власти государства – все равно какого <...> Роман «Мы» – это протест против тупика, в который упирается европейско-американская цивилизация, стирающая, омашинивающая человека»²¹.*

Антиутопия?

Судьба романа «Мы» непростая. На родине он оказался не в чести и был надолго забыт. Друг Замятина художник Юрий Анненков оставил воспоминания об истории публикации романа «Мы»: *«Роман Замятина “Мы” в 1924 году вышел на английском языке в Нью-Йорке (“We”, изд. E.P. Dutton and Company). Но в том же 1924 году опубликование романа “Мы” на русском языке было запрещено в Советском Союзе советской властью. В 1927 году роман “Мы” вышел также на чешском языке в Праге (“Mu” изд. Lidova Knihova Aventina). Этот факт, как и американский выпуск, прошли в Советском Союзе без последствий. Но когда (тоже в 1927 году) некоторые отрывки романа “Мы” появились на русском языке, в пражском эмигрантском журнале “Воля России”, отношение к Замятину сразу изменилось»²².* Роман «Мы» Советском союзе, по крайней мере в 20-е годы, ходил в

---

²¹ Литературная учёба. – 1988. – №5. – С. 132.

²² Анненков, Ю. Дневник моих встреч [Текст] – М: Захаров, 2001. (Цит. по [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0250.shtml)

рукописном варианте – напечатан он был только 1988 году.

Непризнание на родине не помешало роману сыграть важную роль в развитии мировой литературы, стать основой для появления нового жанра – антиутопии. Во всех перечнях антиутопий XX века роман «Мы» стоит на первом месте.

После публикации «Мы» на английском языке в европейской литературе наблюдался повышенный интерес к жанру антиутопии (О. Хаксли, Д. Оруэлл, К. Воннегут, Т. Пинчон и др.), что *«привело западное литературоведение к теоретическому осмыслению жанровой природы литературной антиутопии как некой новой художественной модели, соответствующей ментальности XX «панутопического» века»*²³.

После того, как роман вернулся к широкому русскому читателю, литературоведы в России пошли вслед за западной трактовкой романа «Мы», делая краеугольным камнем жанр – роман-антиутопия²⁴. Влияние западного литературоведения не удивительно, так как первое глубокое исследование жизни и творчества Е. Замятина было проведено преподавателем Калифорнийского университета в Дэвисе Алексом Шейном. Его монография «Жизнь и творчество Евгения Замятина» (1968) по сей день считается классическим трудом как в отечественном, так и зарубежном замятиноведении.

Анализируя в романе «Мы» традиции жанра утопии, его влияние на утопические романы XX века, социальную и политическую проблематику и т.п., исследователи долго упускали из виду чисто художественную ценность «Мы» как произведения словесного искусства. А ведь даже

---

²³ Долженко, С.Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике / автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Текст] – Тюмень 2003, С. 20.

²⁴ Воробьева, А.Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах [Текст] – Самара, 2006; Ланин, Б.А. Русская литературная антиутопия [Текст] – М., 1993; Юрьева, Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы [Текст] – М., 2005.

А.К. Воронский, который в 1922 году воспринял роман как антисоветский памфлет, несмотря на критику романа, вынужден был подвести итог: «С художественной стороны роман написан превосходно. Замятин достиг здесь полной самостоятельности и зрелости»²⁵.

Жанр антиутопии – это пародия на жанр утопии, а утопия²⁶ – это образ *несуществующего* общества. Читатель в XXI веке назвать роман «Мы» антиутопией может уже с натяжкой, потому что многие из утопических идей Замятина сбылись, стали реальностью.

Пророчество?

В процессе глобализации современного мира, на пути становления Единого Государства в результате хоть и не «двухсотлетней», но всё же войны (многих спланированных войн) будет полезным посмотреть на роман Евгения Замятина «Мы» как на прообраз современного мира, прообраз нас, граждан Единого мира, и на то, к чему мы, видимо, можем ещё прийти.

Пророческое значение романа признавалось уже в середине XX века, прежде всего, в западном литературоведении²⁷. К началу XXI века сбылись многие утопические, фантастические образы романа:

Принцип, благодаря которому в XX–XXI веках разви-

---

²⁵ Воронский, А.К. Литературные силуэты. Евг. Замятин [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/w/woronskij_a_k/text_0080.shtml

²⁶ УТОПИЯ (греч. *U* – нет; *topos* – место, т.е. место, которого нет; иное объяснение: *eu* – благо и *topos* – место, т.е. благословенное место) – литературный жанр, в основе которого – изображение несуществующего идеального общества. (Б.А. Ланин.) (Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] // под ред.: А.Н. Николюкина. – М., 2003, С. 1118.)

²⁷ Долженко, С.Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике [Текст] / Там же.

ваются средства массовой информации: *«...Мы несем им математически-безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми. Но прежде оружия мы испытываем слово»*.

Архитектура XXI века: *«...весь мир отлит из того же самого незыблемого, вечного стекла, как и Зеленая Стена, как и все наши постройки»; «...непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию сероголубых шеренг»*.

Генно-модифицированные, соевые, пестицидные продукты XXI века, от которых прогрессируют раковые заболевания, недалеко ушли от «нефтяной пищи» Единого Государства: *«...была изобретена наша теперешняя, нефтяная пища. Правда, выжило только 0,2 населения земного шара. Но зато – очищенное от тысячелетней грязи – каким сияющим стало лицо земли. И зато эти ноль целых и две десятых – вкусили блаженство в чертогах Единого Государства»*. Интересно, сколько в итоге выживет нас?

Видеокамеры в общественных местах, следящие за людьми, с их якобы преступными намерениями, конечно, ради безопасности самих же людей... Для Замятина это была ещё утопия: *«...теперь эти мембраны, изящно задекорированные, на всех проспектах записывают для Бюро Хранителей уличные разговоры»*. Но уже в начале XX века писатель знал, что так будет. В романе герой Д-503 живёт с сознанием необходимости (ради безопасности Государства) читать письма, доносить в течение 48 часов, жить за стеклянными стенами... Потому что усвоил: *«Свобода и преступление так же неразрывно связаны между собой, как... ну, как движение аэро и его скорость: скорость аэро = 0, и он не движется: свобода человека = 0, и он не совершает преступлений. Это ясно. Единственное средство избавить человека от*

преступлений – это избавить его от свободы».

Современная массовая культура, массовое сознание, отсутствие ярко индивидуального (оригинальничание не меняет ситуации) философски объясняется в романе закономерным правом Единого Государства: *«Не ясно ли: допускать, что у «я» могут быть какие-то «права» по отношению к Государству, и допускать, что грамм может уравновесить тонну, – это совершенно одно и то же. Отсюда – распределение: тонне – права, грамму – обязанности; и естественный путь от ничтожества к величю: забыть, что ты – грамм, и почувствовать себя миллионной долей тонны...»* Человеку XX–XXI вв. выбора не оставили: массовость поглотила индивидуальность незаметно, неизбежно, без сопротивления – под давлением государства (через СМИ, индустрию развлечений, потребительские установки). Человек – «миллионная доля тонны». *«Нужно ли говорить, что у нас и здесь (выборы правителя – Л.Н.), как во всем, – ни для каких случайностей нет места, никаких неожиданностей быть не может. И самые выборы имеют значение скорее символическое: напомнить, что мы единый, могучий миллионноклеточный организм».*

«Человек перестал быть диким человеком только тогда, когда мы построили Зеленую Стену, когда мы этой Стеной изолировали свой машинный, совершенный мир – от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных...» Если принять «зелёную стену» как метафору и вернуть её в образы технических достижений, которыми человек отгораживался от природы последнее столетие, то и это про нас. Граждане XXI века – века компьютерных, цифровых технологий, должны увидеть в романе, прежде всего, себя. И если I-330 бросает Д-503 обвинение: *«вы обросли цифрами, по вас цифры ползают, как вши»*, то как раз нам

впору призадуматься, о ком роман.

Можно привести много примеров из реалий романа, которые в XXI веке превратились в реальность, а значит определение жанра романа «Мы» как антиутопии уже устарело. К тому же и о своём времени Е. Замятин говорил без иллюзий: *«Сегодня – Апокалипсис можно издавать в виде ежедневной газеты...»*²⁸.

Роман называется «Мы». Кто эти «мы»? Вопрос важный, чтобы понять, про кого читать роман: про «себя» или про «них». Думается, любому художественному произведению можно было бы дать название или подзаголовок «Мы». Всё в искусстве – про нас, про меня. Только такой подход к произведениям литературы, культуры имеет смысл. Сложившийся же по большей части образ читателя, потребителя культуры, – непогрешимый судья, отстранённый наблюдатель. Для такого читателя всё, что написано – это про кого-то: про маленького человека Акакия Акакиевича, про преступника Раскольникова, про Ивана Ивановича, про господ Головлёвых... Поэтому всё прочитанное, вся глубина и мудрость произведения – мимо, мимо мыслей и души.

---

²⁸ Замятин, Е. О синтетизме [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3., С.168.

Образ будущего в литературе 1910–20-х годов. Рождение замысла романа «Мы»

«Завтра – мы совершенно спокойно купим место в sleeping care²⁹ на Марс. Эйнштейном – сорваны с якорей самое пространство и время. И искусство, выросшее из этой, сегодняшней, реальности – разве может не быть фантастическим, похожим на сон?

Но все-таки есть еще дома, сапоги, папиросы; и рядом с конторой, где продаются билеты на Марс, – магазин, где продаются колбасы из собачины. Отсюда в сегодняшнем искусстве – синтез фантастики с бытом. Каждую деталь – можно ощупать; все имеет меру и вес, запах; из всего – сок, как из спелой вишни. И все же из камней, сапог, папирос и колбас – фантазм, сон»³⁰.

Понять настоящее и заглянуть в будущее – главные желания искусства 20-х годов XX века. Эпоха грезилась идеями переделки жизни, мира для последующих поколений и для себя – воскрешённых в будущем. Благодаря идеям Н. Фёдорова³¹ о воскрешении всех умерших, работавшие на благоустройство будущего надеялись в нём потом пожить (А. Платонов «Котлован»).

В финале поэмы «Про это» (1923) В. Маяковский обращается к волновавшей его теме будущего воскрешения умерших: герой поэмы, который *«свое земное не дожил, // на*

---

²⁹ Спальном вагоне (англ.)

³⁰ Замятин, Е. О синтетизме [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3., С.168.

³¹

земле свое недолюбил», не уверен в своем будущем воскресении, но надеется на «большелобого тихого химика» из тридцатого века, который способен вернуть к жизни его и любимую.

Воскреси
                  хотя б за то,
                                  что я
  ПОЭТОМ
ждал тебя,
                  откинул будничную чушь!
Воскреси меня
                  хотя б за это!
Воскреси –
                  своё дожить хочу!

Футуристы (лат. futurum – будущее) ещё в 10-е годы XX века начали творить искусство будущего: *«Великая ломка начата нами во всех областях красоты во имя искусства будущего»*³². Вспомним тут и стихотворение Вл. Маяковского «Выволакивайте будущее» (1925), которое учит творить будущее, а не ждать его:

Будущее
не придет само,
если
не примем мер.
За жабры его, – комсомол!
За хвост его, – пионер!

В 20-е годы устремление в будущее порождено и жаж-

---

³² В. Маяковский «Театр. Кинематограф. Футуризм» (1913).

дой самым его создавать, и желанием хоть примерно знать, когда же наступит счастливый коммунизм, ради которого было положено так много сил и жизней, ради которого разрушили страну, перекроили все духовные ценности, отказались от Бога...

Е. Замятин в романе «Мы» создаёт страшный, целиком провидческий образ будущего как победы машинного мира, цивилизации над природой, над естественным человеком.

В пьесах В. Маяковского «Клоп», «Баня» – иронический образ будущего, в котором отражена эпоха НЭПа.

Фантастическая машина времени появляется в пьесе «Баня» (1929) В. Маяковского для того, чтобы слетать в будущее. А в 30-е годы (когда романтика будущего пропала) в пьесе «Иван Васильевич» (1935) М. Булгакова герои с помощью машины времени желают попасть и попадают в прошлое – во времена Ивана Грозного.

Наука 20-х годов сделала гигантский шаг в развитии астрономии:

1919 – в России, в Петрограде, основан Астрономический институт (в 1943 в Институт теоретической астрономии).

1919 – основан Международный Астрономический Союз.

1919 – Д.Х. Джинс развивает «катастрофическую» идею образования планет Солнечной системы в результате «встречи двух солнц».

1922 – Введено деление неба на 88 созвездий (МАС).

1924 – А.А. Фридман теоретически обосновывает расширение Вселенной.

1924 – Э.В. Эплтон открыл существование ионосферы.

1924 – Э.П. Хаббл открыл существование других галактик, а через год, в 1925 – дал первую классификацию

галактик.

1929 – в Москве открыт первый планетарий.

О полётах в космос ещё в XIX в. писал Н. Фёдоров. Научные труды о ракетоплавании и межпланетном сообщении в 20-е годы публиковал К. Циолковский, который трудился и над разработкой реактивного двигателя. В космос уже полетели герои романа А. Толстого «Аэлита», а в его романе «Гиперболоид инженера Гарина» изобретено лазерное оружие будущего.

Е. Замятин, инженер по профессии, думая о будущем, по-своему видел светлые стороны технического прогресса, о которых говорил своему другу, художнику Ю. Анненкову:

«<...> Будет время, – оно придет непременно, – когда человечество достигнет известного предела в развитии техники, время, когда человечество освободится от труда, ибо за человека станет работать побежденная природа, переконструированная в машины, в дрессированную энергию. Все преграды будут устранены, на земле и в пространстве, все невозможное станет возможным. Тогда человечество освободится от своего векового проклятия – труда, необходимого для борьбы с природой, и вернется к вольному труду, к труду-наслаждению. Искусство только еще рождается, несмотря на существование Фидия и Праксителя, Леонардо да Винчи и Микеланджело, на Шекспира и на Достоевского, на Гёте и на Пушкина. Искусство нашей эры – лишь предтеча, лишь слабое предисловие к искусству. Настоящее искусство придет в эру великого отдыха, когда природа будет окончательно побеждена человеком»³³.

Каков процент иронии в этом заявлении? Анненков принимает слова Замятина о будущем всерьёз, но он не учёл, что Замятин уже написал повесть «Островитяне», много раз в

---

³³ Анненков, Ю. Там же.

статьях и письмах отрицательно высказывался о технически развитых, победивших природу и обезличивших человека Англии и Америке. Неужели теперь он желает такого будущего человечеству?

Юрий Анненков справедливо возражал: «– Нет, <...> этого не произойдет, потому что нет предела познавательным стремлениям человека. Прогресс не знает предела. Невозможно удовлетворить потребности человека, ибо его потребности рождаются вслед за изобретениями. Пока мы путешествовали в дормежах, никто из нас не стремился прилечь в один день из Лондона в Париж. Мы спокойно теряли на это полторы недели. Теперь мы испытываем катастрофу, если, позавтракав в Лондоне, не успеем прилететь на заседание в Париж к пяти часам пополудни. Когда лабораторная склянка родит живого человека, для нас станет прямой необходимостью заказывать по телефону ребенка такого-то характера, такого-то пола и цвета, к такому-то дню и часу. И вот, когда природа, нас окружающая, превратится, наконец, в формулу, в клавиатуру, – человек займется перемещением собственного мозжечка, комбинированием мозговых извилин, изобретением мыслительных рубильников и выключателей характера и склонностей. Но остановиться он не сможет. Станция – за гранью жизни. Пока не будет изобретено бессмертие»³⁴.

На другой день в письме Е. Замятин «признал» своё поражение в форме шуточного «конспекта» романа «Мы»:

«Дорогой мой Юрий Анненков! – писал Замятин. – Я сдаюсь: ты прав. Техника – всемогуща, всеведуща, всеблаженна. Будет время, когда во всем – только организованность и целесообразность, когда человек и природа – образуются в формулу, в клавиатуру.

---

³⁴ Анненков, Ю. Там же.

И вот – я вижу это блаженное время. Все симплифицировано. В архитектуре допущена только одна форма – куб. Цветы? Они нецелесообразны, это – красота бесполезная: их нет. Деревьев тоже. Музыка – это, конечно, только звучащие Пифагоровы штаны. Из произведений древней эпохи в хрестоматию вошло только: Расписание железных дорог.

Люди смазаны машинным маслом, начищены и точны, как шестиколесный герой Расписания. Уклонение от норм называют безумием. А потому уклоняющихся от норм Шекспиров, Достоевских и Скрябиных – завязывают в сумасшедшие рубахи и сажают в пробковые изоляторы. Детей изготавливают на фабриках – сотнями, в оригинальных упаковках, как патентованные средства; раньше, говорят, это делали каким-то кустарным способом <...>

*Милый мой Анненков, ты заразился машинобожием. <...> это только **стенка**, которую человек строит из трусости, чтобы отгородиться ею от бесконечности. По эту сторону стенки – все так симплифицировано, монистично, уютно, а по ту – заглянуть не хватит духу»³⁵.*

Воспоминания Анненкова написаны в 1965 году, разговор с Е. Замятиным происходил в 1921-м, роман «Мы» написан в 1922-м – как много, оказывается, было уже видно издаleка. В этом письме Е. Замятин сам расшифровал значение своего образа Зелёной стены, разделившей мир природы и мир цивилизации – это и метафора технического прогресса, и образ, свидетельствующий о разъединении природы и государства.

Едва пережив социалистическую революцию, художе-

---

³⁵ Анненков, Ю. Там же. «Это письмо Замятина было впервые опубликовано в “Социалистическом Вестнике” (Нью-Йорк, июнь 1954). В год его написания (1921) Замятин пытался напечатать его в Петроградской еженедельной газете “Жизнь Искусства”, но редакция этого органа категорически воспротивилась» (Ю. Анненков).

ственным чутьём постигнув, какой строй ждёт людей, Замятин в романе «Мы» готовит революцию против этого Единого государства. Любовь и революция – две движущие силы романа. Одна явная, другая, как ей и полагается на этапе подготовки, тайная пружина действия. Замятин был уверен, что мир развивается благодаря революциям, имея в виду не только социальные, но и культурные, научные и пр. *«Революция всюду; во всём; она бесконечна, последней революции – нет, нет последнего числа»*³⁶ – писал Замятин в статье «О литературе, революции, энтропии и прочем», развивая идею, высказанную в романе «Мы» словами I-330: *«А какую же ты хочешь последнюю революцию! Последней нет, революции – бесконечны»*.

Ю. Анненков
Портрет Е. Замятина (1931)

---

³⁶ Замятин, Е. О литературе, революции, энтропии и прочем [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3, С. 173.

Пейзаж

в романе Е. Замятина «Мы»: образы трёх миров через диалог художественных методов

«Стеной изолировали свой машинный, совершенный мир – от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных...»

Любой писатель творит свой образ мира – наверное, в этом и есть главная задача творчества. У Е. Замятина эта роль как-то особенно значима – исследование его произведений часто оборачивается анализом образа мира, который автор представил в том или ином своём творении. Мир русского мещанства – в «Уездном» и близких ему повестях и рассказах 1910-х годов, мир английского буржуазного общества – в «Островитянах» и «Ловце человеков», пророческий мир будущего в романе «Мы»... С середины 20-х годов Замятин заинтересовался далёким прошлым – «мещанским», «буржуазным» Древнем Римом накануне своей гибели. Повесть «Бич Божий» (1924–1935) – обращение к прошлому, через которое Замятину легко (но опасно) было говорить о настоящем, так как всё повторяется. Цикличность истории подтверждает истинность образа мира Замятина, развивающегося от уютного, но обезличивающего мещанства к революции и наоборот³⁷.

Одним из основных средств создания образа мира в романе «Мы» является пейзаж. Анализируя его, будем опи-

---

³⁷ См. также статью Е. Замятина «О литературе, революции, энтропии и прочем».

раться на определение, данное нами в другой книге: *«Пейзаж в литературном произведении – многофункциональный художественный образ природы (в широком смысле, т.е. включая «городской пейзаж»), обладающий внутренней формой и содержанием, отражающий индивидуальный авторский стиль и стиль эпохи»*³⁸.

«Я лично не вижу в цветах ничего красивого – как и во всем, что принадлежит к дикому миру, давно изгнанному за Зеленую Стену. Красиво только разумное и полезное: машины, сапоги, формулы, пища и проч.»

Три мира в романе – это

1. Единое Государство, отгороженное зелёной стеной;
2. дикий мир за этой стеной;
3. эпоха древних, память о которой хранит музей – Древний дом.

Миры отличаются не только идеологически: цивилизация/природа, свобода/несвобода... различаются в романе и художественный метод, стиль описания, создания этих миров.

Известный факт, что Е. Замятин был дружен с двумя художниками: Ю. Анненков и Б. Кустодиевым. Условно можно было бы сказать, что в «Мы» мир Единого Государства Замятин написал в стиле Ю. Анненкова, а зелёный, дикий мир за стеной – в стиле Б. Кустодиева. Но, конечно, все

---

³⁸ Дмитриевская, Л.Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус) [Текст] – М., 2005, С. 15.

не так однозначно.

Эпоха начала 20-х годов ощущала себя рубежной. Старый мир («мир древних») остался позади – устарели и методы его выражавшие: реализм, импрессионизм, экспрессионизм, символизм, арт-нуво... Новый мир только начинает твориться, его «проект» уже разрабатывают на чертежах, представляют в картинах, кинокартинах, литературных произведениях... Художественные методы нового искусства: конструктивизм, кубизм, супрематизм, фовизм, сюрреализм... – «спорят» о том, каков этот новый мир.

Замятин использовал философию и методы нескольких художественных направлений, чтобы с помощью их стилизации создать три противоположных мира.

Мир Единого Государства

«И вот, так же, как это было утром, на эллинге, я опять увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни – увидел все: непреложные прямые улицы, брызжущее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию сероголубых шеренг».

Д-503 восхищается и преклоняется перед разумным устройством нового мира, желая просветить нас *«неведомых существ, обитающих на иных планетах – быть может, еще в диком состоянии свободы».*

Новый мир в романе – в стиле **конструктивизма**³⁹. В

39

реальности этот метод только начинал развивать свои идеи к 20-му году XX века. К этому времени в СССР ещё не было построено ни одного здания в данном стиле, а в романе Е. Замятина уже *«...весь мир отлит из того же самого незыблемого, вечного стекла, как и Зеленая Стена, как и все наши постройки»*.

Философия конструктивизма⁴⁰ удивительно созвучна идеям романа «Мы». Она берёт начало у создателя первой утопии – Платона: *«идея Платона о первичности мира абстрактных сущностей («идей») относительно наблюдаемых идей и о посреднической роли пространственных форм (под которыми Платон подразумевал правильные многогранники)...»*⁴¹ Позже философия, которая в XX веке станет основой конструктивизма, получит поддержку у математика и философа Декарта (*«мысль Декарта о рациональной (т.е. доступной логическому анализу) природе любых абстрактных сущностей»*⁴²) и отшлифуется философом и идеологом французской революции Гольбахом и другими французскими материалистами XVIII века. Их *«представления о машиноподобном (техницистском) характере Вселенной (Гольбах) и человека (Ламеттри), вследствие подчинения Природы исключительно естественным и притом механическим законам»*⁴³ сыграли большую роль в становлении техногенной цивилизации XIX–XXI вв. Практическое, но при этом немного утопическое, применение данной рационалистической философии обнаруживает себя в XIX веке: фабрики и заводы,

---

⁴⁰ Философскую основу конструктивизма описал профессор Санкт-Петербургского государственного университета В.П. Бранский

⁴¹ Бранский, В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи [Текст] – Калининград, 2000, С. 410.

⁴² Бранский, В.П. Там же. С. 410.

⁴³ Бранский, В.П. Там же. С. 410.

организованные по проекту общественного деятеля Роберта Оуэна (R. Owen), проектами которого интересовался в том числе и Николай I. Идеи Оуэна по устройству фабрик и заводов в 60-е годы XIX века отразил в своём романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевский.

Одним из первых проектов в стиле конструктивизма стал Дом Труда братьев Весниных (1922).

Дом братьев Весниных (проект 1922 г.)

*Клуб имени Зуева
(проект И.А. Голосова 1926 г., построен в Москве в 1928 г.)*

Описание дома попало даже на страницы футуристического журнала «Леф». Познакомимся с данным проектом, так он достаточно полно отражает принципы нового стиля градостроительства (курсив наш – Л.Д.):

О проекте Дворца труда бр. Весниных

30 декабря 1922 г. «Леф», 1924, № 4, стр. 59–62.

*«При проектировании здания Дворца труда авторами поставлена задача: разрешить все требования конкурса в принципе: **конструктивности, утилитарности, рациональности, экономичности.***

*Все формы здания вытекают из **наиболее рационального расположения требуемых помещений в смысле их утилизации, их размеров в трех измерениях и наиболее конструктивного использования взятого для постройки сооружения материала: железа, железобетона, стекла <...>***

Спроектированный проезд шириной 18 саж. и высотой 16 саж. между зданием аудитории на 9 тысяч человек и остальной частью сооружения, соединяющий площадь Революции и площадь Охотного ряда, дает возможность хорошего освещения всех помещений.

Расположение над проездом аудитории на 2500 человек Моссовета, примыкающей непосредственно к аудитории на 9000 человек, отделенной от нее железными жалюзи, дает возможность всему Моссовету, не покидая своего помещения, участвовать в особенно торжественных случаях на общем народном митинге. Таким расположением аудитории Моссовета количество человек, участвующих на митинге, увеличивается до 11500. Башня высотой 62 саж. утилизирована требуемыми по заданию помещениями; в ней помещены метеорологическая станция, астрофизическая обсерватория, центральная для города Москвы радиостанция, информационное бюро, музей социальных наук, музей труда, библиотека и т. д. На ветку башни помещен экран, указывающий время и другие наблюдения метеорологической и астрофизической станции. Другие экраны служат для социально-экономических и политических информации.

В цокольном этаже помещена столовая с пропускной способностью на 6000 человек, электрическая станция и другие помещения. Значительная высота здания дает возможность устройства на нем радио, не затрагивая большого количества материала на сооружение мачт. Система антенн взята комбинированная из «системы в виде Арфы» и пучковой. Все помещения обслуживаются достаточным количеством неподвижных и движущихся лестниц и лифтов <...>»

В том же стиле в 20-е годы было выдвинуто ещё несколько не менее интересных новых проектов, но в жизнь воплощены единицы (самые известные, пожалуй, здание из-

---

дательства газеты «Известия» на Пушкинской площади (архитектор Б.Г. Бархин); здание Клуба имени Зуева (архитектор И.А. Голосов)). В 1933-м году в стиле конструктивизма было закончено здание Наркомата внутренних дел (НКВД) на Лубянской площади⁴⁴ (проект архитекторов Лангмана и Безрукова) – объект культурного наследия и печально известное для всей России место.

С начала 30-х годов конструктивисты вместе с другими новаторами в искусстве подверглись гонениям, и данное направление было забыто до 60–70-х годов XX века, а затем с новой мощью развернулось в 2000-е годы. И если посмотреть на Москву, то становится понятным, что данный стиль агрессивен по отношению к старой архитектуре, он буквально сметает старые, малофункциональные, с его точки зрения, домики, перекраивает улицы и площади... Идёт та же самая война нового и старого города. И как герой романа знает о «древнем» городе только по картинам, так и мы большую часть нашей столицы XIX и XX века уже знаем по старым фотографиям и картинам. Видимо, мы ещё живём в период «двухсотлетней войны», когда город уничтожает деревню, новое – старое, разум – душу...

В Едином Государстве всё просто, гармонично, разумно, прозрачно, конструктивно и утилитарно. Вот ещё яркий пример архитектуры в стиле конструктивизма: *«А впереди, в закатном солнце – из малинового кристаллизованного огня – шары куполов, огромные пылающие кубы-дома, застывшей молнией в небе – шпиц аккумуляторной башни. И все это – всю эту безукоризненную, геометрическую красоту – я должен буду сам, своими руками...»*

Мир Единого государства – сплошная абстракция. Немецкий художник XX века П. Клее был прав, говоря: «Чем

---

⁴⁴ Москва, Мясницкая улица, 1/2 – Фуркасовский переулок, 2/1.

ужаснее мир, тем абстрактнее искусство, тогда как счастливый мир порождает конкретное искусство»⁴⁵. Е. Замятин в слове продолжает художественные эксперименты футуристов, кубистов, абстракционистов, супрематистов, конструктивистов (рис.1,2,3)... Подобный приём – стилизация словом художественных методов изобразительного искусства – отметил друг Е. Замятина, живописец и график, художник театра и кино, один из родоначальников советской книжной иллюстрации Юрий Анненков:

«”Что-то случилось. Черное небо над Лондоном – треснуло на кусочки: белые треугольники, квадраты, линии – безмолвный, геометрический бред прожекторов... И вот выметенный мгновенной чумой – опустелый, геометрический город: безмолвные купола, пирамиды, окружности, дуги, башни, зубцы”.

*Это – из “Ловца человеков”. <...> своего рода – **словесный кубизм**.*

Теперь – из романа “Мы”:

“Вот что: представьте себе квадрат, живой, прекрасный квадрат. И ему надо рассказать о себе, о своей жизни. Понимаете – квадрату меньше всего пришло бы в голову говорить о том, что у него все четыре угла равны. Вот и я в этом квадратном положении... Для меня это – равенство четырех углов, но для вас это, может быть, почище, чем бином Ньютона”».

*Здесь уже – **супрематизм** Малевича, знаменитый его черный квадрат на белом фоне, прогремевший на весь мир, и еще – начало из статьи “О синтетизме”, посвященной моему художественному творчеству»⁴⁶.*

Неудивительно, что в стиле повести и романа Е. Замятина Юрий Анненков увидел и свой стиль. В статье

---

⁴⁵ Grohmann, W. Wassily Kandinsky. N.Y., 1958. P. 87.

⁴⁶ Анненков, Ю. Там же.

«Закулисы» Е. Замятин пояснял: «<...> я писал несколько лет назад о художнике Юрии Анненкове, о его рисунках. Это я писал не об Анненкове, а о нас, о себе, о том, каким по-моему должен быть словесный рисунок»⁴⁷.

**Ю. Анненков Илл. к поэме
«Двенадцать» А. Блока (1918)**

Подчеркнём ещё одну деталь: образ города в романе формирует не цвет, а форма – этот факт снова отсылает к конструктивистам, роднит с ними (для супрематистов цвет играл большую роль). Мы видим шары, кубы, шпильки, башни – геометрию.

Человек, выросший в подобном, геометрически выверенном, городе, имеет такое же геометрическое сознание, математическое мышление («я знаю: до сих пор мой мозг был

---

⁴⁷ Замятин, Е. Закулисы [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3, С. 196.

хронометрически выверенным, сверкающим, без единой соринки механизмом»). Так и современные градостроители, например Делового центра Москвы, наверняка, жили в прямоугольных коробках спальных районов – откуда взяться фантазии, живым линиям и цвету. В свою очередь те, кто строил дома-коробки в 60–70-е годы по всему пространству социалистического мира (и не только), питались мыслями конструктивистов о сугубо утилитарной, дешёвой архитектуре, где красота – это буржуазное излишество.

Несмотря на то, что в романе «Мы» городской пейзаж нового мира скуп на цвета, цвет всё-таки имеет большое значение: он передаёт психологическое состояние героя, ощущение надвигающейся катастрофы. Сугубо через геометрию передать эмоции практически невозможно, а через цвет – легко.

Цвет прозрачных стеклянных домов города зависит от неба и солнца, поэтому в большинстве своём город днём голубой, вечером в закатном солнце – розовый. Город Единого Государства при закатном солнце, отражающемся и преломляющемся в стекле зданий, должен быть действительно красивым. Образов заката и рассвета в романе много, они богаты на метафоры и действительно оригинальны и красивы. Вот один из пейзажей:

*«Домой я вернулся, когда солнце уже садилось. **Вечерний розовый пепел** – на стекле стен, на золоте шпица аккумуляторной башни, на голосах и улыбках встречных номеров. Не странно ли: потухающие **солнечные** лучи падают под тем же точно углом, что и загорающиеся утром, а все – совершенно иное, иная **эта розовость** – **сейчас очень тихая, чуть-чуть горьковатая, а утром – опять будет звонкая, шипучая**».*

Синестетическое восприятие мира – когда цвет, звук, вкус слиты в едином впечатлении – для героя из мира цифр и

чертежей, мира с нефтяной едой несколько неправдоподобно, зато художественно и красиво.

Мир древних

«Мне вспомнилась (очевидно, – ассоциация по контрасту) – мне вдруг вспомнилась картина в музее: их, тогдашний, двадцатых веков проспект, оглушительно пестрая, путаная толчея людей, колес, животных, афиш, деревьев, красок, птиц... И ведь, говорят, это на самом деле было – это могло быть».

Интересно, какая старая картина из музея вспомнилась герою? Можно предположить здесь картину К.А. Коровина «Париж. Бульвар Капуцинок» (1911) (рис. 4) и другие его картины парижского цикла. Действительно, атмосфера этой картины, атмосфера оживлённого, яркого, шумного столичного города, сильно контрастирует с прозрачным, монохромным городом Единого Государства.

Показательно, что мир древних узнаётся героем через картину, через живопись (приём – экфрасис). Художественный метод в живописи, который мог позволить себе изобразить «оглушительно пеструю, путаную толчею людей, колес, животных, афиш, деревьев, красок, птиц» – это **импрессионизм** (Impressionism, франц. *impression* – впечатление). Культ движения, изменчивости мира, и в то же время его пестроты, яркости, многообразия... в середине буржуазного XIX века стало знаком свободы (освобождения от догм реалистического, типизаторского искусства). Дух свободы, который импрессионисты принесли в искусство, важен для Замятина, п.ч. древний мир 20-х годов и дикий мир за стеной в романе «Мы» – это образы утраченной и изгнанной свободы. Неудивительно, что Е. Замятин создаёт данные миры в романе с

помощью стилизации живописи в духе импрессионизма.

Пейзажа живой природы в романе мало, практически нет. Мир древних познается главным образом через интерьеры Древнего Дома (см. главу «Интерьер»). Но сам дом вписан в пейзаж:

*«Я шел под какими-то каменными арками, где шаги, ударившись о сырые своды, падали позади меня, – будто все время другой шагал за мной по пятам. **Желтые – с красными** кирпичными прыщами – стены следили за мной сквозь темные квадратные очки окон, следили, как я открывал певучие двери сараев, как я заглядывал в углы, тупики, закоулки. Калитка в заборе и пустырь – памятник Великой Двухсотлетней Войны: из земли – голые каменные ребра, желтые оскаленные челюсти стен, древняя печь с вертикалью трубы – навеки окаменевший корабль среди каменных желтых и красных кирпичных всплесков.*

Показалось: именно эти желтые зубы я уже видел однажды – неясно, как на дне, сквозь толщу воды – и я стал искать. Проваливался в ямы, спотыкался о камни, ржавые лапы хватали меня за юнифу, по лбу ползли вниз, в глаза, остросоленые капли пота...»

Такое ярко-метафорическое, экспрессивное описание дома и его двора появляется, когда герой приходит искать тайный выход куда-то (потом узнаем, что за пределы Зелёной стены).

Приведённый пейзаж уже не импрессионистический, а

- **сюрреалистический** (Сюрреализм отражает глубины подсознания, доводит реальность до абсурда противоречивым сочетанием натуралистических образов: здесь это: «прыщи стены», «каменные рёбра», «очки окон», «челюсти стен», «ржавые лапы»...) – сюрреалистические образы превратили дом и двор в ожившего монстра, который хранит признаки разрушения войны;

-
- **экспрессионистический** (*Экспрессионизм* отражает источники страдания, гипертрофирует само страдание – болезни, войны, нищету, одиночество и т.п.). Пейзаж передаёт душевное состояние героя – состояние страха, растерянности, неистовости в поисках логичного объяснения фактов, которые не хотят укладываться в стройную и разумную картину мира Д-503.

Оба этих метода связывает ощущение дисгармонии мира, страх перед миром, отказ от рациональности (см. рис. 5, 6, 7).

Для передачи душевной болезни, страха в искусстве нередко используется нагнетание жёлтого цвета. Русский живописец, график, теоретик изобразительного искусства, один из основоположников абстракционизма В. Кандинский писал, что жёлтый цвет *«можно рассматривать как красочное изображение сумасшествия... припадка бешенства, слепого безумия, буйного помешательства... Это похоже и на безумное расточение последних сил лета в яркой осенней листве...»*⁴⁸.

Жёлтый цвет в обилии появляется в позднем творчестве родоначальника экспрессионизма – Ван Гога; едкое, болезненное сочетание жёлтого и красного будет повторяться в серии картин «Крик», над которой Э. Мунк работал более 10 лет; желтые картины С. Дали (у него немало картин, сделанных исключительно из оттенков жёлтого) уводят в глубины подсознания...

Символика жёлтого цвета заставляет вспомнить роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Петербург» А. Белого: грязно-жёлтый цвет в обоих романах передаёт inferнальность города на Неве и болезненное сознание героев. Жёлтый цвет преследует Раскольников (комната, лестница, город), болезнь проникает в его сознание. В романе

---

⁴⁸ Кандинский, В. О духовном в искусстве [Текст] – М., 1992, С. 73.

А. Белого желтизна связана с похожим на монгола провокатором Липпанченко (жёлтоватое лоснящееся лицо, жёлтые губы, он облачен в полосато-жёлтую пару, носит жёлтые ботинки и дарит даме жёлтолицую куклу). *«К революционеру Дудкину, в часы ночных его кошмаров, монгольское лицо Липпанченко вылезает из жёлтого пятна сырости на стене. Вылезает с отвратительных жёлтых обоев (по которым ползают мокрицы), чтобы, однажды, возникнув, замешаться в интриги и мороки улицы»*⁴⁹. Зловещий, болезненный цвет – воплощение надвигающейся неотвратимой «желтой» угрозы, сумасшествия мира – вырастает у А. Белого до жуткого символа.

Е. Замятин, следуя традиции, усиливает жёлтый цвет, когда описывает душевные муки, болезненное состояние героя с проснувшейся душой. В какой-то момент весь мир для Д-503 стал жёлтым, даже глава так названа «Жёлтое. Двухмерная тень. Неизлечимая душа»: *«Все дни – одного цвета – желтого, как иссушенный, накаленный песок, и ни клочка тени, ни капли воды, и по желтому песку без конца. <...> Она промелькнула, на секунду заполнила желтый, пустой мир. <...> и снова – желтый, иссушенный путь»*.

Затем по предписанию доктора гуляя по городу, герой оказался у Зелёной Стены, где желтизна продолжает преследовать его в виде жёлтых звериных и человеческих глаз: *«Сквозь стекло на меня – туманно, тускло – тупая морда какого-то зверя, желтые глаза, упорно повторяющие одну и ту же непонятную мне мысль. <...> Я взмахнул рукой, желтые глаза мигнули, поплыли, пропали в листве. <...> я болен»*. Через несколько минут у Древнего Дома Д-503 встречает старуху: у неё оказываются тоже жёлтые глаза, и желтизна продолжает наполнять мир: *«Лучи – морщины око-*

---

⁴⁹ Галанов, Б. История портрета [Текст] – М., 1967, С. 119.

ло губ, лукавые лучи из **желтых** глаз, пробирающихся внутрь меня, – все глубже... <...> на коленях у ней – **от солнца желтая полоса**. И на один миг: я, **солнце**, старуха, полынь, **желтые** глаза – мы все одно, мы прочно связаны какими-то жилками, и по жилкам – одна **общая**, буйная, великолепная **кровь**⁵⁰ ...»

Герой уверен, что он болен, что душа, сны, фантазии – болезнь. Е. Замятин не ищет новых способов выражения болезненности сознания, а следует традициям русской литературы и разработкам теории и практики мировой живописи.

Итак, пейзажные зарисовки, которые создают образ Древнего мира, вобрали в себя ещё и историю этого мира – гибель в Двухсотлетней войне, отразили психологическое состояние Д-503... Вспомним про ёмкость, «экстрактность» образов Е. Замятина, в которых сжато много смыслов – данные пейзажи хорошо иллюстрируют эту черту стиля писателя.

---

⁵⁰ В романе есть несколько намёков на то, что старуха у Древнего Дома, возможно, мать Д-503. В критическую минуту жизни герой, мечтая о любви матери, видит её в образе этой старухи. Д-503 стыдится своих волосатых рук – I-330 объяснила, что отец его, скорее всего, из мира диких за стеной, т.к. некоторые женщины города имели с ними связь. Старуха, охраняющая не просто Древний Дом, а тайный выход за Зелёную Стену, в молодые годы, скорее всего, могла иметь подобную связь. В данной цитате надо обратить внимание на чувства героя, вызванные видом старухи – «одна **общая**, буйная, великолепная **кровь**», и дальше Д-503, поддавшись необъяснимому порыву, целует её сморщенный рот.

Образ дикого мира за Зелёной стеной

«Солнце... это не было наше равномерно распределённое по зеркальной поверхности мостовых солнце: это были какие-то живые осколки, непрерывно прыгающие пятна, от которых слепли глаза, голова шла кругом. И деревья, как свечки – в самое небо; как на корявых лапах присевшие к земле пауки; как немые зелёные фонтаны... И всё это карачится, шевелится, шуршит, из-под ног шарахается какой-то шершавый клубочек, а я – прикован, я не могу ни шагу – потому что под ногами не плоскость – понимаете, не плоскость – а что-то отвратительно-мягкое, податливое, живое, зелёное, упругое».

Пейзаж похож на сон, абсурдное видение. Можно здесь вспомнить фантастические картины И. Босха или П. Брейгеля, но, пожалуй, правильнее будет предположить, что Е. Замятин через стилизацию включал в диалог о мире современные ему методы искусства.

В пейзажном образе дикого мира можно снова узнать черты сюрреализма: те же иррациональные, словно ожившие, образы. Ещё одна черта сюрреализма обращает на себя внимание: изменение свойств предметов: земля (после зеркальной поверхности мостовых) кажется герою мягкой. Самым знаменитым случаем такого явления в живописи стала картина С. Дали «Постоянство памяти», где расплавились и потекли твёрдые часы (рис. 8).

В 1922 году, во время написания романа «Мы», Сальвадору Дали всего 16 лет, и его сюрреалистические открытия были ещё впереди. А вот у Замятина подобных сюрреалистических картин в описаниях немало, причём и образы пустой скорлупы⁵¹, человека-паука⁵², портрета-комнаты⁵³... у

---

⁵¹ «Мне показалось – все пустое, одна скорлупа»; «Все это странное, хрупкое, слепое сооружение одето кругом в стеклянную скорлупу: иначе

Е. Замятина появились намного раньше, чем у С. Дали.

Применительно к данному пейзажу можно вспомнить и русских **футуристов**: «звёзды-плевоочки», «флейта-позвоночник», «звездные зубья», «огненные губы фонарей», «морда комнаты выкосилась ужасом»... (В. Маяковский); «Небо – труп»!! не больше! // Звезды – черви – пьяные туманом...» (Д. Бурлюк). Эти и другие образы, созданные поэтами-футуристами, вполне можно отнести к сюрреализму: в них нет характерного для футуристов образа будущего, передачи движения и скорости. Впрочем, многие направления начала XX века объединяло ощущение иррациональности, абсурдности мира и человека в нём, наверное, футуризм и сюрреализм тоже оказались в этом близки. По сравнению с футуризмом сюрреализм более углублён в человека и его подсознание: вышеприведённый пейзаж из романа «Мы» – это результат болезненного восприятия Д-503, который в первый раз случайно оказался за Зелёной стеной. Пейзаж рисует образ дикого мира и в то же время передаёт потрясённое состояние героя-повествователя, его впечатление.

Впечатление – *impression* (фр.) – фиксируют на полотне импрессионисты. Дикий мир за стеной передан во многом и через импрессионистическое впечатление Д-503. Особенно ярко импрессионистические черты «видны» с высоты летя-

---

оно, конечно, давно бы уже рухнуло»; «Все зеленовато-стеклянное. Но это какое-то другое, хрупкое стекло – не наше, не настоящее, это – тонкая стеклянная скорлупа, а под скорлупой крутится, несется, гудит...»

⁵² «...Намеченные тонким голубым пунктиром концентрические круги трибун – как бы круги паутины, осыпанные микроскопическими солнцами (– сияние блях); и в центре ее – сейчас сядет белый, мудрый Паук – в белых одеждах Благодетель».

⁵³ «Передо мною – два **жутко-темных окна**, и внутри такая неведомая, чужая жизнь. Я видел только огонь – **пылает там какой-то свой «камин»** – и **какие-то фигуры**, похожие... Сквозь темные окна глаз – там, внутри у ней, я видел, **пылает печь**, искры, языки огня вверх, навалены горы сухих, смоляных дров».

щего Интеграла:

*«Все высыпали на палубу (сейчас – 12, звонок на обед) и, перегнувшись через стеклянный планишпир, торопливо, залпом глотали неведомый, застенный мир – там, внизу. **Янтарное, зеленое, синее**: осенний лес, луга, озеро. На краю **синего блюдечка** – какие-то **желтые**, костяные развалины, грозит **желтый**, высохший палец – должно быть, чудом уцелевшая башня древней церкви.*

– Смотрите, смотрите! Вон там – правее!

*Там – по **зеленой** пустыне – **коричневой** тенью летало какое-то быстрое пятно. В руках у меня бинокль, механически поднес его к глазам: по грудь в траве, взвев хвостом, скакал табун **коричневых** лошадей, а на спинах у них – те, **караковые, белые, вороны...**»*

Буйство цвета; цвет – чистыми мазками; оптическая игра с цветом и образом – соблюдены все правила импрессионизма. Первое, что воспринимает глаз – «**янтарное, зеленое, синее**», и лишь потом объяснение – «**осенний лес, луга, озеро**». Далее «**по зелёной пустыне летало какое-то коричневое пятно**» – это картина-впечатление, только цвет, нет ясного образа, но при оптической фокусировке (*поднёс к глазам бинокль*) прорисовывается образ «**по грудь в траве, взвев хвостом, скакал табун коричневых лошадей**». И тут же снова импрессионистическая игра в размывание образа «**на спинах у них – те, караковые, белые, вороны...**»

В композиции импрессионистического шедевра часто используется необычная, например «птичья перспектива»⁵⁴ (см. Э. Дега «Балансирующая танцовщица»), в романе «Мы» Замятин использовал и этот приём.

Итак, мир древних и мир за стеной необузданно, головокруглительно яркие, они во многом игра воображения и

---

⁵⁴ Бранский, В.П. Там же. С. 396.

фантазии, порой болезненной фантазии, поэтому и переданы в стилевом подражании импрессионистам и сюрреалистам. Дикий мир за стеной, старый дом древних вызывает у героя полубредовое состояние сна, заражает фантазией, пробуждает чувства и душу...

Импрессионизм и сюрреализм по-своему выражают идею свободы: первый восстал против реализма, второй – против рационального конструктивизма. Идеологическую противопоставленность художественных методов, современных философий Замятин использовал в романе как ёмкий символ: стиль оказался символом.

Получается вот такая образная, идеологическая и стилистическая оппозиция:

Единое Государство –
КОНСТРУКТИВИЗМ

Древний мир,
дикий мир за Зелёной стеной –

ИМПРЕССИОНИЗМ и
СЮРРЕАЛИЗМ

Импрессионизм творчески питается мимолётным, зыбким, а сюрреализм иллюзорным – эти черты стиля тоже можно увидеть в контексте романа: таковы древний и дикий миры.

Сквозной образ солнца в романе

«Вы, читающие эти записки, – кто бы вы ни были, но над вами солнце».

«И мне кажется – ну вот я уверен – завтра совсем не будет теней, ни от одного человека, ни от одной вещи, солнце – сквозь все...»

Мир романа «Мы» освещает солнце: оно присутствует и в портретах героев, и в интерьерах домов, и особенно ярко в пейзажных картинах двух миров. Этот образ сопровождает главного героя во всех делах и событиях, даже в последних безумных днях, когда вокруг буря; оно освещает строительство и позже полёт Интеграла, первый полёт в Древний дом, сцену казни, выборы Благодетеля, революционный бунт...

Солнце освещает все дома стеклянного мира – Единого государства: *«Солнце – сквозь потолок, стены; солнце сверху, с боков, отраженное – снизу. О – на коленях у R-13, и крошечные капельки солнца у ней в синих глазах».* Солнце пронизывает комнату, отражается в людях (здесь – в глазах О-90, в другом месте оно сияет на бляхах и в глазах всех номеров...)

Являясь, с одной стороны, символом всего светлого, плодородного, символом жизни, Христа, солнце согревает холодный мир Единого государства. Но есть и другая точка зрения на образ солнца в «Мы» Е. Замятина, идущая от другого значения солнца: символ тоталитаризма, воплощение абсолютной власти. Недаром, солнце являлось верховным

божеством во многих языческих религиях; в Индии солнце – это Божье око, зорко следящее за тем, что происходит на земле; солнцу уподоблялись фараоны и цари.

Стеклянный город на закате – красивая картина. В своём дневнике-конспекте Д-503 создаёт чувственный, поэтический образ уходящего солнца: *«Домой я вернулся, когда солнце уже садилось. Вечерний розовый пепел – на стекле стен, на золоте шпица аккумуляторной башни, на голосах и улыбках встречных нумеров. Не странно ли: потухающие солнечные лучи падают под тем же точно углом, что и загорающиеся утром, а все – совершенно иное, иная эта розовость – сейчас очень тихая, чуть-чуть горьковатая, а утром – опять будет звонкая, шипучая».*

У Д-503 глаз художника: его тонкие наблюдения за оттенками розового, его синестетическое восприятие цвета (*горьковатая розовость, звонкая, шипучая*) говорят о скрытом таланте живописца.

Сложно понять, приведённое описание является пейзажем или интерьером: герой вернулся домой, где стены прозрачные, поэтому он видит город, людей покрытых «розовым пеплом» заката. В стеклянных домах городской пейзаж невольно входит в интерьер, заменяя древние украшения – ковры и картины на стенах. Чем бы ни являлось данное описание, оно дополняет образ мира, отгороженный стеклянной Зелёной стеной: этот мир не только прозрачный, серый, но утром и вечером, словно благодатью свыше, он заливается розовым светом: *«Я подхожу ближе к свету, к стене. Там потухает солнце, и оттуда – на меня, на пол, на мои руки, на письмо все гуще темно-розовый, печальный пепел».*

Может быть, в этом теплом, согревающем свете солнца, а также в невидимых, но явно присутствующих иррациональных величинах есть для жителей Единого государства

надежда, что истинный Бог их не оставил. Однозначности в трактовке образа солнца нет. Возможно, наоборот, это символ зла, как и в повести «Островитяне», где солнце, со своей семантикой ясности, всепроникающего света, становится образом страшным, потому что метафорически связан с педантичностью в соблюдении расписания и закона, даже если закон предписывает убить. Солнце торжествует вместе с людьми, сопровождая финальные сцены приговора и смертной казни Кембла: *«Солнце было очень яркое. Солнце торжествовало – это было ясно для всякого, и вопрос был только в том, торжествовало ли оно победу правосудия – и, стало быть, культуры – или же...»*, *«Румяное, упитанное, торжествующее выкатывалось солнце»*; *«Солнце торжествовало, розовое и равнодушное»* («Островитяне»).

Образ неба и тумана – «экстракт» смыслов

«Я – один. Вечер. Легкий туман. Небо задернуто молочнo-золотистой тканью, если бы знать: что там – выше? И если бы знать: кто – я, какой – я?»

Образы природы в романе «Мы» насыщены по смыслу и выполняют гораздо более сложную роль, нежели описание или даже создание образа мира. Е. Замятин «рисует» небо, солнце, туман, прибегая к современным ему художественным методам современного искусства: импрессионизм, кубизм, сюрреализм и др. Но в данной главе мы не станем подробно останавливаться на анализе стилей и повторять уже сделанные выводы, наша задача – проанализировать смысловую нагрузку образов, их функциональную задачу в тексте рома-

---

на.

Образ неба – ёмкий символ, который за XIX–XX века претерпел множество экспериментов, вместил самые противоположные смыслы: от символа наивысшей духовности, без которого невозможно представление о Мироздании (Лермонтов, Фет, Тютчев, Блок...) до утрированного образа «крышки гробовой», «плиты могильной» – символа бессильной, слабой, декадентской души (Ш. Бодлер, З. Гиппиус, Ф. Сологуб и др.).

В романе «Мы» Е. Замятина небо выполняет функции психологического параллелизма, параллелизма событийного, а также вбирает в себя философские смыслы произведения.

Психологическое состояние Д-503 лучше всего отражает именно небо: его вид и цвет меняются вместе с переменной настроения и мироощущения героя. Об образе неба есть статья Лихачёвой Т.В., Минераловой И.Г. «Эволюция образа неба в романе Е. Замятина “Мы”»⁵⁵, её авторы пришли к выводу, что «*Небо – образ сознания рассказчика, математика, номера Д-503*»⁵⁶.

Небо в романе меняется не только в связи с появлением души у главного героя, но и по ходу нарастания революционного заговора – хотя оба эти факта взаимосвязаны и не противоречат друг другу.

Первые зарисовки города Д-503 делает ещё в своём нормальном состоянии, «не омрачённом безумием мыслей», пока он ещё способен дать всему в мире «цифровое выражение»: «*В такие дни видишь самую синюю глубь вещей, какие-то неведомые дотолё, изумительные их уравнения – видишь в чем-нибудь таком самом привычном, ежедневном*».

---

⁵⁵ Лихачёва, Т.В., Минералова, И.Г. Эволюция образа неба в романе Е. Замятина «Мы» [Текст] // III Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура. М., 2005, С. 246–251.

⁵⁶ Лихачёва, Т.В., Минералова, И.Г. Эволюция образа неба в романе Е. Замятина «Мы» [Текст] // Там же. С. 246.

В те майские дни (действие романа начинается в мае) небо и город прозрачно-голубые, синие, сияющие: *«Блаженно-синее небо, крошечные детские солнца в каждой из блях, не омраченные безумием мыслей лица...»*, *«...глаза, отражающие сияние небес – или, может быть, сияние Единого Государства»*.

Синий – самый холодный цвет спектра – цвет неба, божественного, во многих странах он же символ власти. Д-503 ассоциативно соединяет сияние, прозрачность синего неба с образом Единого Государства – стеклянного города, который пропускает небо сквозь дома и отражает его в зеркальных мостовых.

Но уже при знакомстве Д-503 с I-330 и первом полёте к стенам Древнего Дома в безукоризненно чистом небе появляется маленький предвестник будущих гроз – белое облачко: *«Через 5 минут мы были уже на аэро. Синяя майская майолика неба <...> Но там, впереди, белеет бельмом облако, нелепое, пухлое – как щеки старинного «купилона», и это как-то мешает»*.

После первого свидания по розовому талончику с I-330, после первого нарушения закона – запрещённой беседы – психологическая напряжённость Д-330 снова прочитывается через восприятие пейзажа: *«все было на своем месте – такое простое, обычное, закономерное: стеклянные, сияющие огнями дома, стеклянное бледное небо, зеленоватая неподвижная ночь. Но под этим тихим прохладным стеклом – неслось неслышно буйное, багровое, лохматое»*. Эпитет стеклянный повторяется в главе много раз (стеклянные дверь, шёлк, скорлупа – поверхность земли, небо, дома, тротуар), стеклянным почувствовал себя даже герой: *«Я стал стеклянным»*. Под стеклом Единого Государства и сознания Д-503 пока ещё неслышно назревает буря.

Начало следующей главы, 11 записи конспекта Д-503⁵⁷: *«Вечер. Легкий туман. Небо задернуто золотисто-молочной тканью, и не видно: что там – дальше, выше. Древние знали, что там их величайший, скучающий скептик – Бог. Мы знаем, что там хрустально-синее, голое, непристойное ничто»*. И в тот же вечер, снова возвращаясь к записям, Д-503 рисует небо, но мысль о небе меняется: *«Я – один. Вечер. Легкий туман. Небо задернуто молочно-золотистой тканью, если бы знать: что там – выше? И если бы знать: кто – я, какой – я?»* Попытка познать себя (в этой главе Д-503 рисует свой автопортрет перед зеркалом – см. главу «Портрет») приводит героя и к размышлению о небе: пустое небо, «непристойное ничто» сменяется уже самым сложным философским вопросом: «что там – выше?».

Обратим внимание, что в пейзаже появляется **туман** (достаточно во многих пейзажных зарисовках – нет возможности их все привести). В уже упомянутой статье И.Г. Минералова небезосновательно увидела в образе тумана отражение души Д-503: *«Туман, облачность – указание на зарождение души нумера Д-503. Не случайно облачность появляется сначала “внутри нумера”. Затем она выплескивается наружу, нарастая по мере развития сюжета»*⁵⁸.

Туман – образ недосказанности, таинственности, эфемерности земного существования человека, его потерянности и чуждости миру. Туман в пейзаже часто передаёт ощущение внутренней опустошённости человека, он, несомненно, является способом отражения психологического состояния героя в художественном произведении. В лирике А. Блока, напри-

---

⁵⁷ Запись 11-ая. Конспект: «...Нет, не могу, пусть так, без конспекта». Названия глав, как видим, тоже отражают психологические состояния героя.

⁵⁸ Лихачёва, Т.В., Минералова, И.Г. Эволюция образа неба в романе Е. Замятина «Мы» [Текст] // Там же. С. 247.

мер, настроение лирического героя нередко передаётся через данный пейзажный образ:

Всё *туманнее*, всё суевернее
На душе и на сердце – везде <...>.

«Не легли ещё тени вечерние...», 1899

<...> Устал я шататься,
Промозглым *туманом* дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...

«Двойник», 1909

Туман часто встречается в творчестве символистов, так как с его помощью легко воплотить идею двоемирия. Художники-символисты тоже не оставили образ тумана без внимания: Клод Моне написал серию туманных пейзажей, а Эжен Каррьер⁵⁹ – целый цикл женских образов, поглощённых густым туманом.

Небо, *задернутое золотисто-молочной тканью*, и туман нарушают безукоризненную прозрачность 1) сознания Д-503 и 2) города Единого Государства.

По записи 13-ой «Туман. Ты. Совершенно нелепое происшествие» видим, что ситуация в романе усугубляется: *«Утренний звонок, – встаю – и совсем другое: сквозь стекла потолка, стен, всюду, везде, насквозь – туман. Сумасшедшие облака, все тяжелее – и легче, и ближе, и уже нет границ между землею и небом, все летит, тает, падает, не за*

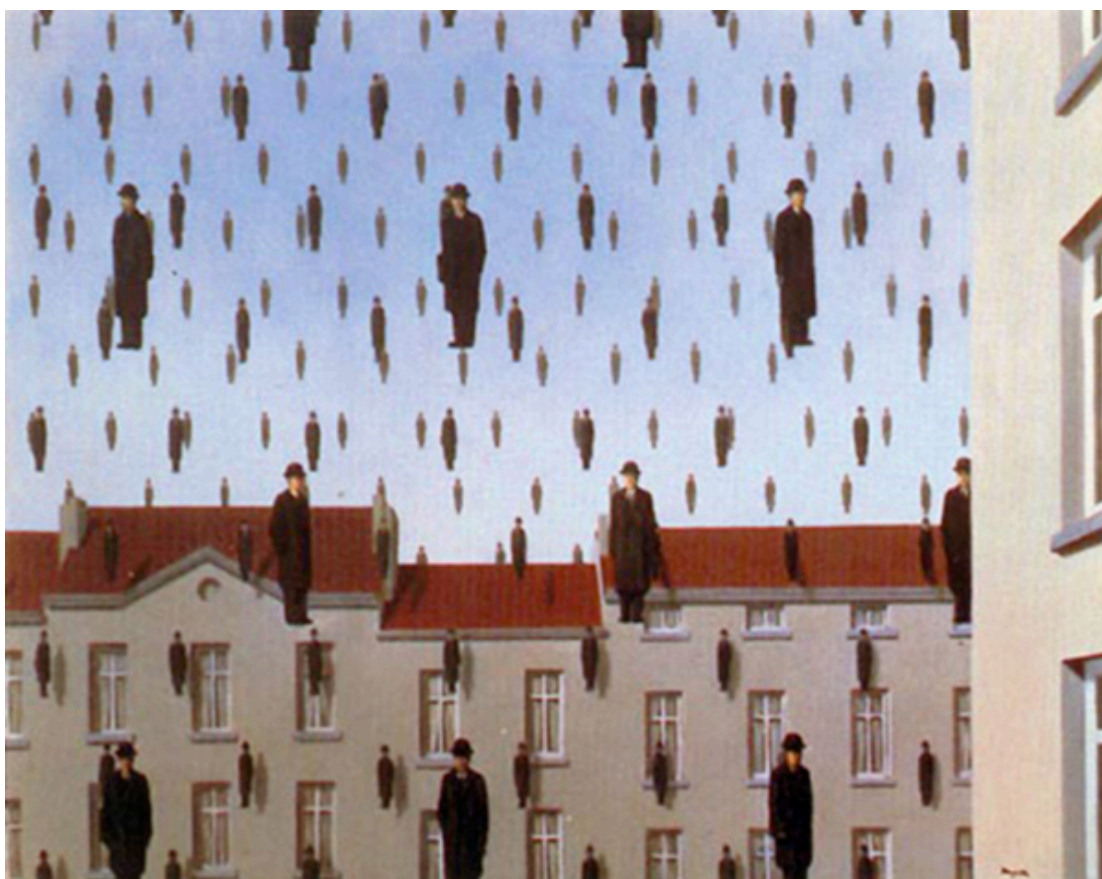
⁵⁹ В. Маяковский в стихотворении «Театры» посвятил следующие строчки своеобразной манере Каррьера:

Автомобиль подкрасил губы
у **блеклой женщины Карьера**,
а с прилетавших рвали шубы
два **огневые фокстерьера**.

---

*что ухватиться. Нет больше домов: стеклянные стены распустились в тумане, как кристаллики соли в воде. Если посмотреть с тротуара – темные **фигуры людей** в домах – как взвешенные частицы в бредовом, молочном растворе – повисли низко, и выше, и еще выше – в десятом этаже. И все дымится – может быть, какой-то неслышно бушующий пожар». В данной картине сочетается туманная, тягостная, символистская эстетика и сюрреалистическая образность.*

Повисшие в воздухе фигуры людей – самый, пожалуй, известный образ художника-сюрреалиста Рене Магритта («Golconde», 1953), правда, у него это дождь из людей. Обратим внимание на год: картина Магритта будет удивлять мир в 1953 году, уже после смерти Е. Замятина.

Рене Магритт «Golconde» (1953)

С этого утра мир, где ещё недавно *«все было на своем месте – такое простое, обычное, закономерное»*, теряет свою ясную, логичную сущность. Понятно, что город, в котором люди висят *«как взвешенные частицы в бредовом, молочном растворе»*, мало походит на нормальный, не говоря уже о безукоризненно логичном и ясном. Данный образ, родившийся в голове Д-503, отражает, прежде всего, его воспалённое сознание, сбой работы отлаженного мыслительного механизма – герой считает себя серьёзно больным и даже обращается к доктору.

После выборов, на которых революционеры впервые проявили себя тысячами голосов «против», Д-503 удивляется, что мир ещё существует: *«Утро. Сквозь потолок – небо по-всегдашнему крепкое, круглое, краснощёкое. Я думаю – меня меньше удивило бы, если бы я увидел над головой какое-нибудь необычайное четырехугольное солнце, людей в разноцветных одеждах из звериной шерсти, каменные, непрозрачные стены. Так что же, стало быть, мир – наш мир – еще существует?»*

Фантазия героя, как болезнь, «прогрессирует», поэтому и пейзажные зарисовки в конспектах Д-503 становятся всё более и более фантастические: *«краснощёкое небо»* и *«четырёхугольное солнце»*... – сотворчество сюрреалистов и кубистов.

К осени погода в городе меняется, меняется и сам город: *«Странно: барометр идет вниз, а ветра все еще нет, тишина. Там, наверху, уже началась – еще неслышная нам – буря. Во весь дух несутся тучи. Их пока мало – отдельные зубчатые обломки. И так: будто наверху уже низринут какой-то город, и летят вниз куски стен и башен, растут на глазах с ужасающей быстротой – все ближе – но еще дни им лететь сквозь голубую бесконечность, пока не рухнут на дно, к нам, вниз. Внизу – тишина. В воздухе –*

тонкие, непонятные, почти невидимые нити. Их каждую осень приносит оттуда, из-за Стены».

Упомянутое вначале облачко превратилось в осенние тучи, герой понимает, что их **пока** мало – будет больше.

Туча, надвигающаяся гроза – символ революционной очистительной силы. Это излюбленный образ русских пейзажей с середины XIX века: можно устроить отдельную выставку картин русских художников-передвижников, собрав картины под названием «Перед грозой»: А. Саврасов, И. Левитан, Ф. Васильев, А. Гине, И. Шишкин («Лес перед грозой») и др. (рис. 9–12).

В небе происходит борьба: оно словно заодно с революционерами. И в душе Д-503 – изматывающая борьба и буря: он предал себя и государство ради любви, а его предали ради революции. Данный пейзаж – фантастическая картина: тучи как башни, как низринутый город, падающий на землю, где пока ещё тишина.

В следующей главе Д-503 почти всё время констатирует тишину в городе: несколько раз подряд назывные предложения – «Тишина.» – открывают новые абзацы; тишина в метафорах («жужжащая далеким, невидимым пропеллером тишина»), в пейзажах... Общая растерянность номеров, граждан пошатнувшегося Единого Государства, передана через тишину.

Привычный мир рушится, небо солидарно с революционерами, но вера в Единое Государство у Д-503 не угасает – это последняя соломинка, за которую герой периодически пытается схватиться: *«Там, снаружи, на меня налетел ветер. Крутил, свистел, сек. Но мне только еще веселее. Воти, вой – все равно: теперь тебе уже не свалить стен. И над головой рушатся чугунно-летучие тучи – пусть: вам не затемнить солнца – мы навеки приковали его цепью к зениту – мы,*

Иисусы Навины».

Образ *чугунного неба* повторяется в романе не раз (эпитет чугунный характеризует Благодетеля: у него чугунные руки, чугунный жест и голос – см. главу «Портрет»). В финале повторяется и через повтор усиливается метафорический эпитет «чугунные тучи»: *«А там, за стеною, буря, там – тучи все чугунее».*

В последних пейзажах бури можно увидеть образы поэзии В. Маяковского – поэта, который выразительнее всех воплотил в художественном слове свою измотанную любовью душу и передал общее настроение революции: *«Ветер свистит, весь воздух туго набит чем-то невидимым до самого верху <...> Башенный шпиг – в тучах – тусклый, синий и глухо воеет: сосет электричество. Воют трубы Музыкального Завода».*

Футуристическое искусство полно стремительного, разрушительного движения. Разрушение, революционность роднит футуристов с кубистами. Е. Замятин выбирает эти два стиля (метода) для последних пейзажей в романе: *«На улице. Ветер. Небо из несущихся чугунных плит. И так, как это было в какой-то момент вчера: весь мир разбит на отдельные, острые, самостоятельные кусочки, и каждый из них, падая стремглав, на секунду останавливался, висел передо мной в воздухе – и без следа испарялся».*

Последняя пейзажная картина, которую успевает до операции зарисовать в виде конспекта Д-503, очень напоминает революцию в России в октябре 1917 года: время года то же – осень, а следовательно, и тучи, и «зеленые, янтарные, малиновые листья» работают на знакомый образ революционного хаоса (Е. Замятин саму революцию не видел, так как находится в Англии):

«Небо – пустынное, голубое, дотла выеденное бурей. Колючие углы теней, все вырезано из синего осеннего возду-

---

ха – тонкое – страшно притронуться: сейчас же хрупнет, разлетится стеклянной пылью. И такое – во мне: нельзя думать, не надо думать, не надо думать, иначе – –

И я не думал, даже, может быть, не видел по-настоящему, а только регистрировал. Вот на мостовой – откуда-то ветки, листья на них зеленые, янтарные, малиновые. Вот наверху – перекрещиваясь, мечутся птицы и аэро. Вот – головы, раскрытые рты, руки машут ветками. Должно быть, все это орет, каркает, жужжит...

Потом – пустые, как выметенные какой-то чумой, улицы. Помню: споткнулся обо что-то нестерпимо мягкое, податливое и все-таки неподвижное. Нагнулся: труп. Он лежал на спине, раздвинув согнутые ноги, как женщина. Лицо...»

Это было последнее, что Д-503 почувствовал в окружающем мире своей душой, «выеденной дотла» любовью, как небо – бурей. Буря закончилась – небо снова пустынное и голубое. Революция потерпела поражение: Единое Государство удалило душу и превратило в робота Д-503, уничтожило предводителя революции I-330, таким образом на какое-то время обезопасив свой безукоризненно логичный, математически совершенный, сияющий, как чистое голубое небо, мир.

Небо в романе выполняло не только функцию психологического параллелизма – оно сопровождало события, было заодно с революционерами в борьбе с цивилизацией за освобождение и признание полноправным мира природы (природного в человеке, жизни за Зелёной стеной).

Анализ пейзажных описаний в романе подтвердил, что Е. Замятин – мастер стилизации, что его индивидуальному стилю свойственно *«всемерное стремление использовать возможности и художественного, и жанрового синтеза»*⁶⁰.

---

⁶⁰ Лихачёва, Т.В., Минералова, И.Г. Эволюция образа неба в романе

Пейзажные описания в романе реализуют главным образом три задачи (но не исчерпываются ими):

1) создание образа мира (трёх миров),

2) психологическая характеристика героя-рассказчика, гражданина нового мира. Для Замятина это в то же время ещё и характеристика современного ему человека после 1917-го года – тоже гражданина нового строя.

3) отражение надмирных сил, «иррациональных величин», влияющих на события и жизнь человека.

Портреты

героев в романе «Мы»

«Человек – как роман: до самой последней страницы не знаешь, чем кончится. Иначе не стоило бы и читать...»

«Приходится удивляться – как много написано прекрасных портретов и как мало написано о том, что такое сам портрет. Тем более, что портрет привлекал к себе во все времена истории напряжённый интерес»⁶¹.

В конце 20-х годов XX века под редакцией А.Г. Гарбичевского вышел сборник статей «Искусство портрета» (М., 1928), ставший ориентиром для всех, кто пытался дать определение этому явлению. В 1967 году под тем же названием выходит книга Б.Е. Галанова⁶², в которой исследуется проблема литературного портрета в истории его развития и в его связи с живописью. Можно отметить в этом ряду книгу «Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус)»⁶³, в которой нами критически анализируются существующие определения пейзажа и портрета, предлагаются определения, более подходящие для исследования литературного произведения, а затем на материале творчества

---

⁶¹ *Жинкин, Н.И.* Портретные формы [Текст] / Жинкин, Н.И. // Искусство портрета: Сборник статей. М., 1928, С. 7.

⁶² *Галанов, Б.* Искусство портрета [Текст] М., 1967.

⁶³ *Дмитриевская, Л.Н.* Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус) [Текст] – М., 2005.

З.Н. Гиппиус показывается, как эти определения работают.

Портрет в живописи, и в литературе представляет собой образ личности и является способом познания мира через личность. При этом в изобразительном искусстве творится образ реального человека, а в литературе, как правило, представлен портрет вымышленного персонажа. Перед литературным портретом стоят принципиально иные задачи: не просто описание, изображение, а *создание* образа героя в его индивидуальности, исторической и психологической достоверности.

*Портрет в литературном произведении – одно из средств создания образа героя через изображение внешнего облика, являющееся особой формой постижения действительности и характерной чертой индивидуального стиля писателя*⁶⁴.

О мастерстве Замятина-портретиста есть статья И.Г. Минераловой «Е. Замятин как мастер словесной живописи»⁶⁵, в которой рассмотрены литературные портреты М. Горького, А. Белого, Б. Кустодиева, созданные Е. Замятиным, а так же портреты героев из его рассказов послеоктябрьского периода.

---

⁶⁴ Дмитриевская, Л.Н. Там же. С. 90.

⁶⁵ Минералова, И.Г. Евгений Замятин как мастер словесной живописи // [Текст] // Национальный и региональный «космо-психо-логос» в художественном мире писателей русского подстепья (И.А. Бунин, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин). Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. – Елец, 2006.

Образ Благодетеля и образ общества Единого Государства

«Как все просто. Как все величественно-банально и до смешного просто».

Галерею портретов романа Замятина логичнее открыть с обобщающего портрета общества и портрета Благодетеля, тем более, что вместе с пейзажем эти портреты «работают» на создание образа Единого Государства.

Описание общества появляется на первых страницах романа, и строится оно именно на портретных деталях, которые объединяют всех людей в единую массу: *«Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера – сотни, тысячи нумеров, в голубоватых юнифах⁶⁶, с золотыми бляхами на груди – государственный номер каждого и каждой. И я – мы, четверо, – одна из бесчисленных волн в этом могучем потоке <...> Блаженно-синее небо, крошечные детские солнца в каждой из блях, не омраченные безумием мыслей лица... Лучи – понимаете: все из какой-то единой, лучистой, улыбающейся материи».*

Первая же картина общества напоминает тюрьму: мерные ряды, шаги в такт пронумерованных людей в униформах. Возможна также ассоциация с армией, которая подкрепляется следующим описанием: *«Мы шли так, как всегда, т.е. так, как изображены воины на ассирийских памятниках: тысяча голов – две слитных, интегральных ноги, две интегральных, в размахе, руки».*

Интересно, что Д-503 противопоставляет Единое Госу-

---

⁶⁶ «Вероятно, от древнего «Uniforme»» (примечание Е. Замятина в романе).

дарство «древним» людям XX века, но при этом находит общее с древними цивилизациями до рождения Христа, в данном случае с ассирийцами. (Может, таким образом Замятин намекнул, что общество в своём развитии идёт не вперёд, а назад?) Общество, построенное на абсолютном подчинении обожаемому правителю, осознаётся Д-503 как нормальное, гармоничное.

Благодетель Единого Государства тоже имеет ряд сходных портретных черт со скульптурными образами древних правителей. Он словно вылит из металла или изваян из камня, как скульптура:

«А наверху, на Кубе, возле Машины – неподвижная, как из металла, фигура того, кого мы именуем Благодетелем. Лица отсюда, снизу, не разобрать: видно только, что оно ограничено строгими, величественными квадратными очертаниями. Но зато руки... Так иногда бывает на фотографических снимках: слишком близко, на первом плане, поставленные руки – выходят огромными, приковывают взор – заслоняют собою все. Эти тяжкие, пока еще спокойно лежащие на коленях руки – ясно: они – каменные, и колени – еле выдерживают их вес...

И вдруг одна из этих громадных рук медленно поднялась – медленный, чугунный жест – и с трибун, повинуясь поднятой руке, подошел к Кубу номер».

Вспомним каменные скульптуры сидящих полубогов фараонов: тяжёлые руки всегда на коленях, неподвижный взгляд полубога устремлён в вечность. У египтян и ассирийцев, наверное, невольно черпали вдохновение и некоторые советские скульпторы, создававшие образ новых «владык мира» В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также символ новой власти – рабочего и колхозницу. Их лики тоже словно высечены из скалы, фигуры величественно возвышались/ются над стоящими рядом людьми, тяжёлая чугунная рука часто при-

---

зивно указывала пальцем на зрителя.

Скульптура – будучи искусством, которое с первобытных времён связано с трудовой деятельностью, магическими верованиями человека – доступна для понимания всех. Поэтому монументальная скульптура, памятник, носит ярко выраженный общественный характер, её цель – идейно-образное воздействие.

1. Рамсес II (одна из 4-х скульптур храма Рамсеса II в горе Абу-Симбел)

2. Памятник Ленину в Дудинке (Красноярский край)

С.Д. Меркуров, памятник Сталину на ВСХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставке), 1939.

В. Мухина Рабочий и колхозница, 1937. Создана для Всемирной выставки в Париже, С 1939 находится на ВСХВ (ныне ВВЦ)

Скульптура в 1920-е, а особенно в 1930-е годы стала лидирующим видом искусства, чему, безусловно, способствовал ленинский план монументальной пропаганды⁶⁷. Скульптуры разных видов заняли площади и парки всех городов, проникли в здания, на их фасады, в строящееся метро... В Париже в 1937 году на Всемирной выставке символом Советского союза стала 25 метровая скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница». В 20-е годы развивалась и авангардная скульптура, сказавшая новое слово в искусстве. Казимир Малевич, Осип Цадкин, Александр Архипенко выставляются вместе с П. Пикассо, Ж. Браком, А. Дереном, их знают во всём мире. Сама эпоха 20–30-х годов избрала для обращения к народу камень, как во времена Древнего Египта, Ассирии.

Надо всё-таки заметить, что во время написания романа – 1922 год – памятников Сталину ещё не было, да и быть и не могло (первый – 1929 год, скульптор М. Я. Харламов), а вот памятники Ленину уже появлялись: первым официальным⁶⁸ памятником Ленину считается монумент 1923 года в Уфе – этот памятник представлял из себя комплекс с колонной, на верху которой был земной шар в цепях. Не известно, знал ли автор «Мы» об этом памятнике, но для понимания романа это и не важно, так как он был завершён раньше. Можно лишь снова удивиться провидческому дару Е. Замятина. Его концепция о циклическом развитии истории, отражённая отчасти в статье «О литературе, революции, энтропии и прочем» (1923), позволила автору многое предугадать. Угадал Е. Замятин и то, как будет впоследствии удер-

---

⁶⁷ Декрет СНК от 12 апреля 1918 «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» («О памятниках республики»).

⁶⁸ В 1919 году скульптор Г. Алексеев изготовил первый бюст вождю, но установлен он был позже (в Петрограде).

живать власть и шаткий порядок вождь социалистического государства – так же, как и все правители до него: тиранией, жёсткими и хладнокровными расправами с врагами.

Первый портрет Благодетеля – Великого Инквизитора – неслучайно дан в момент казни – он «мудрая карающая рука» непослушных: *«Тяжкий, каменный, как судьба, Благодетель обошел Машину кругом, положил на рычаг огромную руку... Ни шороха, ни дыхания: все глаза – на этой руке. Какой это, должно быть, огненный, захватывающий вихрь – быть орудием, быть равнодействующей сотен тысяч вольт. Какой великий удел!»*

Благодетель Единого Государства не только у древних цивилизаций востока позаимствовал свой образ – немало черт он взял и у иудейского, христианского Бога – Иеговы: *«... с небес нисходил к нам Он – новый Иегова на аэро, такой же мудрый и любяще-жестокий, как Иегова древних. С каждой минутой Он все ближе – и все выше навстречу ему миллионы сердец – и вот уже Он видит нас».*

Образ сходящего с небес Бога – образ христианский, но только «новый Иегова», Благодетель, нисходит на аэро. Эта деталь, по сути, первое разоблачение самозванца на место Бога. Лейтмотив обмана – сквозной в романе. Благодетель Единого государства – это воплощённая мечта Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского – воплощённая в жизнь порабоощающая ложь: *«...Нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред Богом. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью. <...> И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме*

сотни тысяч управляющих ими»⁶⁹.

Символом лжи, коварства здесь выступает паук: Благодетель – и есть такой паук: *«И я вместе с ним мысленно озираю сверху: намеченные тонким голубым пунктиром концентрические круги трибун – как бы круги паутины, осыпанные микроскопическими солнцами (– сияние блях); и в центре ее – сейчас сядет белый, мудрый Паук – в белых одеждах Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья.*

Но вот закончилось это величественное Его сошествие с небес, медь гимна замолкла, все сели – и я тотчас же понял: действительно – все тончайшая паутина, она натянута и дрожит, и вот-вот порвется, и произойдет что-то невероятное...».

Символ паука многозначен: у кельтов паук – собиратель и держатель нитей жизни, у греков и египтян – символ судьбы, христиане в его образе видят сатану... Если трактовать образ Благодетеля через христианское понимание образа паука, тогда получается, в качестве самозванца на роль Бога в Едином Государстве выступает сатана. Образ общества Единого Государства: люди-мухи в паутине у Паука.

Н.В. Гоголь учил побеждать дьявольское смехом – Е. Замятин использует этот способ в конце романа, устраивая ещё одно разоблачение Благодетелю. Сначала Благодетель предстаёт перед Д-503 во всём своём монументальном величии: *«Очнулся – уже стоя перед Ним, и мне страшно поднять глаза: вижу только Его огромные, чугунные руки – на коленях. Эти руки давили Его самого, подгибали колени. Он медленно шевелил пальцами. Лицо – где-то в тумане, сверху, и будто вот только потому, что голос Его доходил ко*

---

⁶⁹ Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы [Текст] // Достоевский, Ф.М. Собр.соч.: в 15 т. Т.9. — Л., 1989. С. 292.

*мне с такой высоты – он не гремел, как гром, не оглушал меня, а все же был похож на обыкновенный человеческий голос. <...> Лишь когда он замолк, я очнулся, я увидел: **рука двинулась стопудово – медленно поползла – на меня уставился палец**».*

Далее образ Благодетеля – полубога, фараона и паука – от страшного низводится до смешного: Д-503 был уже оплетён другой паутиной – любовью, поэтому смог посмотреть на правителя незамутнёнными глазами: *«Помню очень ясно: я засмеялся – поднял глаза. Передо мною сидел лысый, сократовски лысый человек, и на лысине – мелкие капельки пота. Как все просто. Как все величественно-банально и до смешного просто».*

Лысина с капельками пота, жест с уставленным пальцем – не прочитывается ли в Благодетеле портрет В.И. Ленина? Наверное, в этом есть доля истины, но для художественной значимости прямые параллели не играют роли. Главное, что через портрет, точнее, через разрушение имиджевого образа произошло разоблачение тирана.

Гоголь и Достоевский – любимые писатели Е. Замятина, и он продолжает развивать понимание смеха, как огромной силы, с помощью которой можно исцелить и которой можно убить. Гоголевское понимание смеха как средства борьбы со страхом и сатаной Замятин показал в приведённом отрывке. Но и точку зрения Достоевского о губительной силе смеха или насмешки автор «Мы» не оставляет без внимания. Например, в сцене несостоявшегося убийства Ю: *«И я считаю: я убил ее. Да, вы, неведомые мои читатели, вы имеете право назвать меня убийцей. Я знаю, что **спустил бы шток на ее голову, если бы она не крикнула: – Ради... ради... Я согласна – я... сейчас**».* Убийства не происходит из комической ситуации: Ю решила, что Д-503 посягает на неё, сбрасывает платье и опрокидывается на кровать. *«Это было так неож-*

данно, так глупо, что я расхохотался. И тотчас же туго закрученная пружина во мне – лопнула, рука ослабела, шток громыхнул на пол. Тут я на собственном опыте увидел, что смех – самое страшное оружие: смехом можно убить все – даже убийство».

Если бы в романе «Преступление и наказание» Раскольников вовремя понял нелепость своего намерения и в какой-то момент точно так же расхохотался, то преступления бы не было (смех бы разоблачил дьявольское намерение, и в русской литературе появилось бы ещё одно подтверждение, что Н.В. Гоголь насчёт смеха прав). Но Родиона Раскольникова ничто не спасло – никакой нелепости не произошло: всё было буднично просто и как бы само собой – и в этом будничном, с точки зрения Ф.М. Достоевского, незримо кроется бесовское.

В «Мы» Е. Замятина происходит разоблачение не только Благодетеля, но и всего общества Единого Государства. Восторг от единения, отрицание индивидуализма, как, например, в этом эпизоде: *«Мы идем – одно миллионноголовое тело, и в каждом из нас – та смиренная радость, какую, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты. В древнем мире – это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение – добродетель, а гордыня – порок, и что – «МЫ» – от Бога, а «Я» – от диавола».* Соседствует с пониманием, что всё равно разные: *«Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330 (вижу теперь ее номер); налево – О, совсем другая, вся из округностей, с детской складочкой на руке; и с краю нашей четверки – неизвестный мне мужской номер – какой-то дважды изогнутый вроде буквы S. Мы все были разные...»*

Все разные – значит каждый в отдельности индивиду-

лен, ибо так устроила природа. Но то, что МЫ всё ещё разные, в понимании Д-503 является устранимым несовершенством машинного государства. Только после того, как была проведена операция по удалению фантазии – дикарской функции головного мозга человека, МЫ окончательно стали единым слаженным механизмом: *«На углу, в аудитории – широко разинута дверь, и оттуда – медленная, грузная колонна, человек пятьдесят. Впрочем, «человек» – это не то: не ноги – а какие-то тяжелые, скованные, ворочающиеся от невидимого привода колеса; не люди – а какие-то человекообразные тракторы».*

Отметим ещё одну деталь коллективного портрета – все люди **серые**: *«серые, из сырого тумана сотканые юнифы торопливо существовали возле меня секунду и неожиданно растворялись в туман», «наши ряды – серые гребни скованных внезапным морозом волн», «лица – серые, осенние, без лучей», «серые юнифы, серые лица»* и т.д. Если снова обратиться к ассоциациям с изобразительным искусством, то перед нами **графика**. Люди в общей массе – графический эскиз, а город – чертёж. Ничего лишнего – в этом математик Д-503 видит гармонию.

Серые, обезличенные люди потрясли Е. Замятина в Англии (1916–1917 гг.), где он работал над строительством российских ледоколов⁷⁰. Впечатления Е. Замятина о высокоразвитой промышленной стране отражены в сатирическом романе «Островитяне», в котором герои-англичане напоминают нумеров Единого Государства: *«Как известно, человек культурный должен, по возможности, не иметь лица. То есть не то чтобы совсем не иметь, а так: будто лицо, а будто и не лицо – чтобы не бросалось в глаза, как не бросается в глаза*

---

⁷⁰ Е. Замятин с 1916 года был в Англии одним из главных проектировщиков ледокола «Святой Александр Невский», который после Октябрьской революции резал льды Ледовитого океана под названием «Ленин».

платье, сшитое у хорошего портного. Нечего и говорить, что лицо культурного человека должно быть совершенно такое же, как и у других (культурных), и уж, конечно, не должно меняться ни в каких случаях жизни». В романе «Мы» образ обезличенных людей, особенно после операции по удалению фантазии, доведён до ужасающего предела, но внутренняя правда при этом сохранена.

Дикие люди за стеной противопоставлены людям города, в том числе и через **цвет**: «На поляне вокруг голого, похожего на череп камня шумела толпа в триста – четыреста... человек – пусть – «человек», мне трудно говорить иначе. <...> здесь я сперва увидел только **наши серо-голубые юнифы**. А затем секунда – и среди юниф, совершенно отчетливо и просто: **воронье, рыжие, золотистые, караковые, чалые, белые люди** – по-видимому, люди».

Люди за Великой Стеной – это уже не графика, они нарисованы, скорее, в стиле импрессионизма: «мазками» чистого цвета.

Две разных цивилизации на одной земле: серо-голубая масса номеров и разноцветная толпа «человеков». Математически ясное сознание героя дало серьёзный сбой, когда он начал понимать, что объединяет в себе два этих мира: «...Странно: я писал сегодня о высочайших вершинах в человеческой истории, я все время дышал чистейшим горным воздухом мысли, – а **внутри как-то облачно, паутинно, и крестом какой-то четырехлапый икс**. Или это – мои лапы, и все оттого, что они были долго у меня перед глазами – **мои лохматые лапы**. Я не люблю говорить о них – и не люблю их: это след дикой эпохи. Неужели во мне действительно – —».

Автопортрет Д-503

«Ведь ты не знаешь – и многие это знают, что женищинам отсюда, из города, случалось любить тех. И в тебе, наверное, есть несколько капель солнечной, лесной крови. Может быть, потому я тебя и – –».

Портрет Д-503 читатель видит нечасто. Да и подобный приём – автопортрет как способ самопознания – встречается в литературе редко.

«Я – перед зеркалом. И первый раз в жизни – именно так: первый раз в жизни – вижу себя ясно, отчетливо, сознательно, – с изумлением вижу себя, как кого-то «его». Вот я – он: черные, прочерченные по прямой брови; и между ними – как шрам – вертикальная морщина (не знаю: была ли она раньше). Стальные, серые глаза, обведенные тенью бессонной ночи; и за этой сталью... оказывается, я никогда не знал, что там. И из «там» (это «там» одновременно и здесь, и бесконечно далеко) – из «там» я гляжу на себя – на него, и твердо знаю: он – с прочерченными по прямой бровями – посторонний, чужой мне, я встретился с ним первый раз в жизни. А я настоящий, я – не – он...»

Портрет больше характеризует психологическое состояние героя, нежели обрисовывает его внешний облик. Мы видим только серые, стальные глаза, чёрные прямые брови и глубокую, как шрам, морщину между ними. В портрете интереснее, как герой, глядя НА себя, пытается проникнуть В себя. Такая острая потребность понять «кто ты» бывает в кризисные моменты жизни. Д-503 подавлен любовью-страстью,

---

потерян в рушащейся системе координат. Он так много эмоционально пережил за несколько дней знакомства с I-330, что его даже не удивляет морщина между бровями («не знаю, была ли она раньше») – признак предельной собранности воли, тяжёлых мыслей и потрясений.

Ещё раз Д-503 увидел себя в зеркале и запечатлел для читателя в момент проснувшейся дикой ревности, узнав, что и R-13 тоже бывал с I. В портрете передана психологическая борьба разума и чувств, «настоящего» и «другого», «дикого»:

«Зеркало у меня висело так, что смотреться в него надо было через стол: отсюда, с кресла, я видел только свой лоб и брови.

И вот я – настоящий – увидел в зеркале исковерканную прыгающую прямую бровей, и я настоящий – услышал дикий, отвратительный крик:

– Что «тоже»? Нет: что такое «тоже»? Нет, – я требую.

<...> Я – настоящий – крепко схватил за шиворот этого другого себя – дикого, лохматого, тяжело дышащего. Я – настоящий – сказал ему <...>»

Как в душе, так и в портрете героя соединены два мира, два человека: *настоящий* гражданин Единого Государства – серые глаза и прочерченные по прямой брови; *дикий* человек из мира природы – лохматые руки, *исковерканная прыгающая прямая бровей*».

Мир Цивилизации, воплощённый в Едином Государстве, и мир природный – за Великой Стеной – непримиримые вечные враги. Их противостояние вскрывается в романе на разных уровнях различными художественными приёмами, в том числе и в портретном сопоставлении общества, и в портретных характеристиках Д-503, так как человек – основной объект борьбы природного и цивилизационного.

Главный герой, являясь типичным представителем Единого Государства, своими волосатыми руками, буйной фантазией и зарождающейся душой – пример непрременной победы природного развития над цивилизационным, так как капли дикой крови хватило, чтобы сломать этот *«хронометрически выверенный, сверкающий, без единой соринки механизм»*, которым до определённого времени являлся мозг Д-503.

«Было два меня. Один я – прежний, Д-503, номер Д-503, а другой... Раньше он только чуть высовывал свои лохматые лапы из скорлупы, а теперь вылезал весь, скорлупа трещала, вот сейчас разлетится в куски и...»

Женские образы в романе:

I, O, Ю

«Единое Государство повело наступление против другого владыки мира – против Любви. Наконец и эта стихия была тоже побеждена, т.е. организована, математизирована...»

«Неужели все это сумасшествие – любовь, ревность – не только в идиотских древних книжках? И главное – я! Уравнения, формулы, цифры – и... это – ничего не понимаю! Ничего...»

Женский портрет в литературе – одна из самых популярных тем у литературоведов. Пополним багаж исследований женских портретов, рассмотрев образы героинь романа «Мы»: O-90, I-330.

Первая, законная, то есть записанная на Д-503 женщи-

на – это О-90. Её имя портретно. В её портретах всегда особо подчёркивается округлость, розовость: «*О, совсем другая, вся из округлостей, с детской складочкой на руке*». Ещё читатель всегда видит глаза героини, синие и лучистые: «*<...> робко подняла на меня **О круглые, сине-хрустальные** глаза <...> буду точен: три раза поцеловал чудесные, **синие**, не испорченные ни одним облачком, глаза*». «*О – на коленях у R-13, и крошечные капельки **солнца** у ней в **синих** глазах*»⁷¹.

Круг – символ жизни и гармонии, поэтому в минуты, когда гармония утрачивается, а жизнь уходит из под ног, О как бы «сдувается»: «*<...> Возле моего стола стояла О. Или, вернее, – висела; так висит пустое, снятое платье – под платьем у нее как будто уж не было ни одной пружины, беспружинными были руки, ноги, беспружинный, висячий голос <...> И висела над столом. Опущенные глаза, ноги, руки. На столе еще лежит скомканный розовый талон той*».

В портрете снова можно заметить сюрреалистическую манеру – «изменение свойств предметов» (твёрдое становится мягким, текучим), но надо вспомнить также иронический

---

⁷¹ Примеры повторяющихся портретных черт О-90: «Без четверти 22 в комнате у меня – радостный **розовый** вихрь, крепкое кольцо **розовых** рук вокруг моей шеи. И вот чувствую: все слабее кольцо, все слабее – разомкнулось – руки опустились...».

«Милая, бедная О! **Розовый** рот – **розовый** полумесяц рожками книзу. О лежала. Я медленно целовал ее. Я целовал эту наивную **пухлую** складочку на запястье, **синие** глаза были закрыты, **розовый** полумесяц медленно расцветал, распускался – и я целовал ее всю».

«Во мне печатается: **розовый** – рожками книзу – полумесяц рта, налитые до краев **синие** блюдечки-глаза. Это – О».

«**Круглые**, крошечные руки у меня на рукаве, **круглые синие** глаза: это она, О. И вот как-то вся скользит по стене и оседает наземь».

«О – изумленно, **кругло, сине** смотрит на меня, на мои громко, бессмысленно размахивающие руки».

«О – медленно оседала в своем кресле – будто под юнифой испарялось, таяло тело, и только одно пустое платье и пустые – **засасывающие синей пустотой – глаза**».

автопортрет Микеланжело на картине «Страшный суд» (рис. 14). Художник Возрождения изобразил себя в виде висющей шкуры в руках у Папы: так он выразил свою беспредельную усталость, страдание от произвола главного заказчика великой фрески в Сикстинской капелле.

Портрет О-90 тоже полон скрытого страдания – от любви и ревности. О-90 любит Д-503, ревнует его, хотя эти чувства давно уже заклеяны как глупое собственничество. По закону «мудрого» государства Д-503 встречается с О-90 в «соответствующие Табелю сексуальные дни», он не ревнует её к R-13, так как оба были законно записаны на её номер. А теперь вспомним *«исковерканную прыгающую прямую бровей»* Д-503 в момент, когда он сметён ревностью, узнав о связи R-13 и I-330. Любовь и ревность, любовь и смерть неразрывны, их нельзя уложить ни в какие уравнения, их невозможно математизировать, их немислимо победить. Эта вечная жизненная сила сильнее всех революций и государств. Пока человек способен любить, он будет свободен. Должно быть, вывод должен быть такой.

В О-90 просыпается материнская любовь, и именно она ведёт героиню за Зелёную стену – к свободе, к естественному миру природы. Природное проникает даже в портрет О: *«Вся она была как-то по-особенному, законченно, упруго кругла. Руки и чаши груди, и все ее тело, такое мне знакомое, круглилось и натягивало юнифу: вот сейчас прорвет тонкую материю – и наружу, на солнце, на свет. Мне представляется: там, в зеленых дебрях, весной так же упрямо пробиваются сквозь землю ростки – чтобы скорее выбросить ветки, листья, скорее цвести.*

Несколько секунд она молчала, сине сияла мне в лицо <...>Я невольно посмотрел на ее круглый под юнифой живот.

Она, очевидно, заметила – вся стала кругло-розовая, и

розовая улыбка:

– Я так счастлива – так счастлива... Я полна – понимаете: вровень с краями. И вот – хожу и ничего не слышу, что кругом, а все слушаю внутри, в себе...»

Круглая О-90 как-то удивительно для гражданки Единого Государства чувственна, даже во многом нелогична, чем и раздражает Д-503. Её портрет всегда полон цвета – синего и розового: О-90 лучится этими цветами, хотя, как и все, облачена в серую юнифу. Всегда сине-розовая на полотнах художников Возрождения Дева Мария. Синий цвет – цвет Богородицы в православной иконе. В живописи «портрет» О-90 улавливается в картинах Кустодиева, которые Замятин помнил на стене в мастерской: *«День был морозный, яркий, от солнца или от кустодиевских картин в мастерской было весело: на стенах розовели пышные тела <...>»*⁷². А может, героиня сошла с полотна импрессиониста О. Ренуара «Портрет актрисы Жанны Самари» (1877), который словно светится розовым и голубым (рис. 13).

Портретов I-330 в романе много: влюбленный повествователь Д-503, пытаюсь понять, не устаёт её описывать. И не удивительно, что это самый интересный и многогранный об-

---

⁷² Замятин, Е. Встречи с Б.М. Кустодиевым [Текст] // Новый журнал, 1951, № 26, С. 183–192. (Цитируется по [Электронное издание]: <http://soglasie.ioso.ru/library/works/36/>)

Вспоминая, как возник рассказ «Русь», Е. Замятин сообщает о своей творческой связи с живописью Б. Кустодиева:

«<...> Разложив перед собой всех этих кустодиевских красавиц, извозчиков, купцов, трактирщиков, монахинь, я смотрел на них так же, как когда-то на его картину на выставке, – и сама собой написалась та повесть (“Русь”), какая вошла в книгу “Русь”» (Замятин Е. Встречи с Б.М. Кустодиевым [Текст] / Е. Замятин // Там же.).

«Я разложил на столе кустодиевские рисунки: монахиня, красавица в окне, купчиха в сапогах-бутылках, «молодец» из лавки... Смотрел на них час, два – вдруг они ожили и вместо статьи написался рассказ, действующими лицами в нём были люди, сошедшие с этих кустодиевских картин» (Замятин Е. Закулисы [Текст] / Е. Замятин // Там же. С. 377.).

раз. И если О-90 нарисована в кустодиевском, ренуаровском – импрессионистском стиле, то портрет I-330 обращает нас сюрреалистическому творчеству Сальвадора Дали, причём к его будущему творчеству – 30-х годов. Вспомним знаменитую картину и инсталляцию в Театре-музее Дали в Фигерасе «Лицо Мэй Уэст, использованное в качестве сюрреалистической комнаты» (1934–1935) (рис. 15, 16).

Е. Замятин был первым, кто объединил портрет и интерьер:

«В этот момент – я видел только ее глаза. Мне пришла идея: ведь человек устроен так же дико, как эти вот нелепые «квартиры» – человеческие головы непрозрачны, и только крошечные окна внутри: глаза. Она как будто угадала – обернулась. «Ну – вот мои глаза. Ну?» (Это, конечно, молча.)

Передо мною – два жутко-темных окна, и внутри такая неведомая, чужая жизнь. Я видел только огонь – пылает там какой-то свой «камин» – и какие-то фигуры, похожие...

Это, конечно, было естественно: я увидел там отраженным себя. Но было неестественно и непохоже на меня (очевидно, это было удручающее действие обстановки) – я определенно почувствовал страх, почувствовал себя пойманым, посаженным в эту дикую клетку, почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни

– Знаете, что, – сказала I, – выйдете на минуту в соседнюю комнату. – Голос её был слышен оттуда, изнутри, из-за тёмных окон глаз, где пылал камин».

Первая идея портрета-комнаты, как видим, принадлежит отнюдь не Сальвадору Дали.

Понятно, почему Д-503 видит I-330 в образе дома: ведь именно с ней связан Древний Дом, так потрясший героя. Мысль о Древнем доме переплетается с мыслями об I, сме-

---

шиваясь в один непонятный, нелогичный образ.

Посмотрим ещё на I-330 в образе дома:

«Она подошла к статуе курносого поэта и, завесив шторой дикий огонь глаз – там, внутри, за своими окнами, – сказала <...>»

«Вот сейчас откуда-нибудь – остро-насмешливый угол поднятых к вискам бровей, и темные окна глаз, и там, внутри – пылает камин, движутся чьи-то тени. И я прямо туда, внутрь, и скажу ей «ты» – непременно “ты”: “Ты же знаешь – я не могу без тебя. Так зачем же?”».

«Она покачала головой. Сквозь темные окна глаз – там, внутри у ней, я видел, пылает печь, искры, языки огня вверх, навалены горы сухих, смоляных дров. И мне ясно: поздно уже, мои слова уже ничего не могут...».

В инсталляции «Лицо Мэй Уэст» С. Дали тоже есть печь, камин, только разложен он в носу, а глаза представляют собой импрессионистические виды Парижа и Сены. За сюрреалистическими метафорами Замятина легко почувствовать характер и темперамент, уловить в героине таящуюся угрозу.

Итак, I-330 неотделима от Древнего дома, она сама стала домом. В том же доме происходит самое яркое, ошеломившее Д-503, появление героини – в образе декадентской красавицы с сигаретой и абсентом:

«Вот теперь щелкнула кнопка у ворота – на груди – еще ниже. Стекланный шелк шушит по плечам, коленям – по полу. Я слышу – и это еще яснее, чем видеть, – из голубовато-серой шелковой груди вышагнула одна нога и другая... <...>

– Ну, пожалуйста.

Я обернулся. Она была в легком, шафранно-желтом, древнего образца платье. Это было в тысячу раз злее, чем если бы она была без всего. Две острые точки – сквозь тон-

кую ткань, тлеющие **розовым** – два угля сквозь пепел. Два нежно-круглых колена...

Она сидела в низеньком кресле. На четырехугольном столике перед ней – флакон с чем-то **ядовито-зеленым**, два крошечных стаканчика на ножках. В углу рта у нее дымилось – в тончайшей бумажной трубочке это древнее курение (как называется – сейчас забыл) <...>

Но она спокойно дымила, спокойно поглядывала на меня и небрежно **стряхнула пепел – на мой розовый билетик**».

Воплощённый героиней образ пугает героя больше, чем сам дом. Вангоговская, матисовская пестрота интерьеров, проникшая даже в кошмарные сны Д-503 (см. главу «Интерьер»), не сравнится с тем впечатлением, которое произвела на него I-330 в этой сцене. Пожалуй, образ декадентской дамы даже Е. Замятиным в послереволюционные годы мог восприниматься как «древний» – так изменился облик современной женщины 20-х годов в новом социалистическом государстве. Данный портрет создает ещё и образ времени, образ ушедшей эпохи. В нём, возможно, есть доля авторской ностальгии.

В портрете присутствует деталь, которая свидетельствует, что героине совершенно безразличен Д-503, что она с ним ведёт свою хитрую игру: **«небрежно стряхнула пепел – на мой розовый билетик»**.

Живописная составляющая портрета I-330 явлена в эпизоде за Зелёной стеной, в диком мире: **«Там, наверху, над головами, над всеми – я увидел ее. Солнце прямо в глаза, по ту сторону, и от этого вся она – на синем полотне неба – резкая, угольно-черная, угольный силуэт на синем. Чуть выше летят облака, и так, будто не облака, а камень, и она сама на камне, и за нею толпа, и поляна – неслышно скользят, как корабль, и легкая – **уплывает земля под ногами...**»**

Данное портретное описание I-330 словно картина ху-

дожника, в которой можно усмотреть диалог с картинами Анри Матисса «Танец» (1910) и «Ивона Ландсберг (1916) (на синем полотне – углём прочерченная дама).

В картине Матисса «Танец» (1910) – хоровод на синем фоне – через первобытное, дикое, с точки зрения цивилизованного человека, движение передана идея единства человека и природы, идея истинной свободы. Та же глубинная мысль и в романе Е. Замятина «Мы», которая особенно прослеживается в эпизодах о «диких» людях. Но в картине А. Матисса явлена и противоречивая, дисгармоничная сущность человека: фигуры бегут в разных направлениях, круг разомкнут, на первом плане – на колени падающая первая жертва. Эта трагическая коллизия полотна тоже перекликается с «Мы».

Анри Матисс «Танец», 1909

I-330 с первого знакомства озадачивает наивного строителя интеграла: *«Но не знаю – в глазах или бровях – какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему цифровое выражение»*. Пытаясь её понять, он рисует в своих конспектах один портрет за другим, пока не находит ответ на вопрос – откуда этот *«странный раздражающий икс»*:

*«Я молча смотрел на нее. Ребра – железные прутья, тесно... Когда она говорит – лицо у ней, как быстрое, сверкающее колесо: не разглядеть отдельных спиц. Но сейчас колесо – неподвижно. И я увидел странное сочетание: **высоко вздернутые у висков темные брови** – насмешливый острый треугольник, обращенный вершиною вверх – **две глубокие морщинки, от носа к углам рта**. И эти два треугольника как-то противоречили один другому, клали на все лицо этот неприятный, раздражающий X – как крест: **перечеркнутое крестом лицо**.*

Колесо завертелось, спицы слились...»

*«I подняла голову, оперлась на локоть. По углам губ – две длинные, резкие линии – и темный угол поднятых бровей: **крест**».*

Лицо-колесо – ещё одна сюрреалистическая деталь. Действительно, в этой черте – перечёркнутое крестом лицо – таится нечто тревожное и раздражающее.

Сквозная деталь портрета – белые зубы⁷³: *«белые – необычайно белые и острые зубы»*; *«укус-улыбка, белые острые зубы»*; *«сладкие, острые, белые зубы: улыбка»*; *«она дышит жадно сквозь сжатые, сверкающие острые зубы»*. Даже после операции лишённый фантазии Д-503 хоть и без ярких метафор, но всё же замечает именно белые зубы:

---

⁷³ В повести «Островитяне» схожая сквозная деталь портрета главного героя викария Дьюли – «золотые зубы».

---

*«Привели ту женщину. В моем присутствии она должна была дать свои показания. Эта женщина упорно молчала и улыбалась. Я заметил, что у ней **острые и очень белые зубы и что это красиво**».* I – хищница, смелая и свободная. Портрет женщины-хищницы дополняется в романе ещё и скрытым сравнением с диким зверем из-за Стены.

Детали портрета – шторы на глаза, крест на лице, острые зубы – как бы предупреждают героя об обмане.

Обман – сквозной лейтмотив в романе, он причина всех трагедий. Герой влюблен в I-революционерку, помогает ей... Почему же тогда Д-503 не стал революционером, ведь он уже узнал, что в нём половина дикой красной горячей крови, почти был готов признать несовершенство государства-тюрьмы, уже смеялся в лицо Благодетелю... Трагического финала (Д-503 превращен в бездушную машину, не способную чувствовать, а I умирает, не завершив революции) могло и не быть. Кто виноват в этом?

Для ответа на вопрос надо проследить мотив обмана. То, что Единое Государство – обман, для Д-503 постепенно открывает I-330. Но, словно в борьбе за душу строителя интеграла, Благодетель открывает Д-503 другую правду:

«Слушайте: неужели вам в самом деле ни разу не пришло в голову, что ведь им – мы еще не знаем их имен, но уверен, от вас узнаем, – что им вы нужны были только как Строитель «Интеграла» – только для того, чтобы через вас...

– Не надо! Не надо, – крикнул я.

...Так же, как заслониться руками и крикнуть это пуле: вы еще слышите свое смешное «не надо», а пуля – уже прожгла, уже вы корчитесь на полу».

Благодетель оказался прав, он не обманул: I-330 использовала Д-503, играя на его страстной любви. Яркое доказа-

тельство тому – их последняя встреча. С этим обманом сломалась последняя соломинка, за которую герой ещё мог держаться в рушащемся привычном мире. Когда соломинка все же сломалась, обман и предательство открылись, он вырезал с помощью операции все чувства – исцелился. Только став бездушной машиной, Д-503 смог предать I.

Причина всех трагедий – обман. Оправдан ли обман и предательство ради революции, свободы? Какого строя ожидать от революционеров в случае победы, если они уже на этапе борьбы за свободу ни во что не ставят чувства людей, используя их в своих, благих вроде, целях. Не станут ли они потом очередными тиранами? Эти вопросы в подтексте Замятин ставит перед читателем.

Имя как портрет и портрет как имя

«...Мне всегда это казалось – что она похожа на свое имя».

«Мы все были разные...»

Прежде чем перейдём к анализу портретов других героев, интересно было бы хоть в какой-то степени понять их образы через смысл имён. Замятин – наследник русской литературной традиции, следовательно, он не мог не наполнить смыслом имена своих героев, дать подсказку для прочтения их образов. Но как же понять буквы и номера: Д-503, I-330, O-90, R-13, S-4711? Может, для Замятина как раз обезличенность и была важна: безликие нумера – бессмысленные имена? Конечно, в этом есть определённая правда, но возможен и более глубокий анализ.

А.К. Воронский в критической статье 1922 года⁷⁴ называет героиню I-330 – № 1, а других героев просто – «за номером таким-то». А.К. Воронский читал роман в рукописи («Лежит у меня, от Пильняка полученный, роман ваш «Мы». Очень тяжёлое впечатление»⁷⁵) – это мог быть ранний список романа, где имён ещё не было. Можно предположить, что Е. Замятин дал настоящие имена своим героям лишь в более поздней редакции романа, хотя из воспоминаний Юрия Анненкова следует, что летом 1921 года, когда они с Е. Замятиным отдыхали в глухой деревушке на берегу Шексны и Евгений Иванович читал свой роман, имена у героев уже были. Ю. Аненский сохранил в памяти даже разговор о мнимой неправильности – нерусскости слова «номер»:

«Как-то вечером, в избе, Замятин прочел мне одну из первых страниц романа «Мы»:

“Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли номера – сотни, тысячи номеров... с золотыми бляхами на груди – государственный номер каждого и каждой... Слева от меня 0-90, ...справа – два каких-то незнакомых номера...”

Мне не понравилось слово “номер”, казавшееся, на мой взгляд, несколько вульгарным: так произносилось это слово в России какими-нибудь мелкими канцелярскими провинциальными чинушами и звучало не по-русски.

– Почему – номер, а не номер?

*– Так, ведь, это – не русское слово, – ответил Замятин, – исказить не обязательно. По-латински – *numerus*;*

---

⁷⁴ Воронский, А.К. Литературные силуэты. Евг. Замятин [Текст] // Там же.

⁷⁵ Из письма А.К. Воронского Е.И. Замятину, октябрь–ноябрь 1922 г. (А.К. Воронский Из переписки с советскими писателями [Текст] // Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. – М.: «Наука», 1983, С. 571.)

по-итальянски – numero; по-французски – numero; по-аглицки – number; по-немецки – Nummer... Где же тут – русское?

Где же тут “О”? Давай-ка раскроем русский словарь, у меня здесь – русско-аглицкий»⁷⁶.

Затем Замятин, по воспоминаниям Аннекова, взял словарь и на примере только первых двух букв алфавита доказал, что 99% русских слов – нерусские.

«Он отодвинул словарь, и мы принялись за липовый чай с сахарином. Наливая чай в стакан, я неожиданно вспомнил фразу Ф. Достоевского, в “Идиоте”, о том, что князю Мышкину, в трактире на Литейной, “тотчас же отвели номер”, и что у Гоголя, в “Мертвых душах”, Чичиков, остановившись в гостинице, поднялся в свой “номер”.

– Ну, вот видишь, – засмеялся Замятин, – с классиками спорить не приходится»⁷⁷.

Семантике имён-номеров в романе «Мы» посвящена статья Евгения Александровича Яблокова «Нумеронимика и нумерология в романе Е. Замятина “Мы”»⁷⁸. Добавим к исследованию Е.А. Яблокова свои наблюдения, так как нам важно выстроить систему образов, и имена героев могут в этом помочь.

Обратим внимание, что имена – это буквы из двух алфавитов: кириллического и латинского. Таким образом, получается, что I, R, S окажутся в одной группе, а Д, Ю – в другой. Сложно лишь определить, куда отнести О, но при внимательном прочтении окажется, что и эта принадлежность

---

⁷⁶ Анненков, Ю. Там же.

⁷⁷ Анненков, Ю. Там же.

⁷⁸ Яблоков, Е.А. «Нумеронимика и нумерология в романе Е. Замятина “Мы”» [Текст] // Национальный и региональный «космо-психо-логос» в художественном мире писателей русского подстепья (И.А. Бунин, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин). Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. – Елец, 2006, С. 304–311.

«о» к обоим алфавитам работает на образ героини.

Итак, герои, названные буквами латинского алфавита – I, R, S, являются в романе революционерами, членами организации «Мефи». Даже S-образный хранитель окажется их сообщником. Под латинскими, нерусскими именами скрыто стремление к свободе, революционная сила, провокация. Герои с именами-буквами из кириллического алфавита – Д и Ю – благонадёжные граждане Единого Государства, с радостью принимающие все деяния Благодетеля, будь то хладнокровная казнь или операция на мозг, избавляющая от последнего пережитка дикого человека – фантазии.

Наконец, героиня O-90: *«Милая O! – мне всегда это казалось – что она похожа на свое имя: сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы – и оттого вся **кругло** обточенная, и розовое O – рот – раскрыт навстречу каждому моему слову. И еще: **круглая**, пухлая складочка на запястье руки – такие бывают у детей»*. Помимо того, что эта буква соответствует внешнему облику героини, она ещё заключает в себе её судьбу: как буква «о» есть в двух алфавитах, так и O-90 сначала живёт в Едином Государстве, а затем, повинувшись материнскому чувству, уходит за Великую Стену, чтобы родить ребёнка для себя, а не для государства. В ней нет революционного бунта, зато она носитель чисто женского начала, проявленного в сентиментальности, способности любить, в глубоком чувстве материнства – это чувство и ведёт её к свободе.

Имя I-330 многозначно. Во-первых, I – это английское слово «Я», а значит героиня противопоставлена «Мы»; во-вторых, как справедливо замечает Е.А. Яблоков, индивидуальность героини подчёркивается ещё и тем, что I – это римская цифра 1. Раскрывая символику чисел, связанную, в первую очередь, с именами героев, Е.А. Яблоков увидел

связь героини с числом 13, которое присутствует и в её имени: «Семантика индекса I-330 вписывается в коллизию Мы – Я, и буква I может быть воспринята как английское слово “я”. Кроме того, “одно из возможных графических осмыслений её имени – «единица», символизирующая развитую индивидуальность”⁷⁹; кстати, при такой интерпретации в нумерониме **I-330** (выделение наше – Л.Д.) тоже «прочитывается» число 13. Вместе с тем две стоящие рядом тройки могут быть представлены как множимое и множитель – тогда числовой индекс “330” превращается в “90”. Таким образом, оба нумеронима (ср. “I-90”, O-90) графически симметричны и “обратимы” <...>»⁸⁰

Интересно имя ещё одной героини – Ю. Номера героини Д-503 почему-то не называет, аргументируя это так: «впрочем, лучше не назову её цифр, потому что боюсь, как бы не написать о ней чего-нибудь плохого». Интересно, что это за цифры такие плохие – нули, шестёрки? Цифра 13 присутствует в именах и не вызывает у героя негативного отношения.

Ю графически похожа на 10. Графически Ю объединяет в себе I и O. Героиня действительно пытается заменить для Д-503 этих двух женщин, но у неё ничего не получается. Простым математическим сложением I + O новой любимой женщины создать нельзя. Таким образом, Замятин разоблачает построенную на математических законах «гармонию» Единого Государства.

Замятин даже имя сделал портретным: круглая – O; «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330», изогнутый – S.

---

⁷⁹ Давыдова, Т.Т. Фаустовская коллизия в романе Евгения Замятина «Мы» [Текст] // Гётте в русской культуре XX века. – М., 2001, С. 119.

⁸⁰ Яблоков, Е.А. «Нумеронимика и нумерология в романе Е. Замятина “Мы”» [Текст] // Там же. С. 308.

Второстепенные герои нарисованы по принципу чеховской детали: одна–две черты, схватывающие суть образа. Например, портрет Ю, ещё одной женщины, проявляющей внимание к Д-503, складывается из двух деталей: щёки-жабры и чернильная улыбочка-пластырь: *«Только что я хотел обратить на это ее внимание, как вдруг она подняла голову – и капнула в меня чернильной этакой улыбочкой <...>»*. *«В 12 часов – опять розовато-коричневые рыбки жабры, улыбочка – и наконец письмо у меня в руках»*. Эти детали повторяются при каждом появлении Ю⁸¹. Интересно, что и у данной героини портретные черты, глаза, сравниваются с интерьером: *«<...> между жабер, сквозь стыдливые жалюзи спущенных глаз – нежная, обволакивающая, ослепляющая улыбка»*, – так автором приоткрыто лицемерие ещё одной женщины.

Портретная деталь заменяет автору имя: вместо безликого имени – яркая говорящая деталь, по которой можно наметить внешний облик, почувствовать характер и настроение. Похожий приём будет использовать М. Булгаков в «Мастере и Маргарите», называя вместо имён черту портрета:

---

⁸¹ Примеры повторяющихся портретных черт Ю:

«Вот уже слышны шаги – и я вижу сквозь дверь – я чувствую: ко мне прилеплена **пластырь-улыбка** – и затем мимо, по другой лестнице – вниз...».

«Не глядя, я видел, как вздрагивают **коричнево-розовые щеки**, и они двигаются ко мне все ближе, и вот в моих руках – сухие, твердые, даже слегка покалывающие пальцы».

«<...> Я, не задумываясь, протянул ей руку, я простил всё – она схватила мои обе, крепко, колюче стиснула их и, **взволнованно вздрагивая свисающими, как древние украшения, щеками, сказала <...>**».

«Оправила между колен серо-голубую ткань, молча, быстро – **обклеила всего меня улыбочкой**, ушла».

«Над контрольным столиком – знакомые, **взволнованно вздрагивающие, обвислые щеки**».

«Она села, расправила на коленях юнифу. **Розово-коричневые жабры** трепыхались».

«клетчатый» – Коровьев, «рыжий» – Азazelo...

Ёмкая деталь – это стилистическое кредо Е. Замятина, которое позже он сформулирует в статье «Закулисы» (1929): *«Ни одной второстепенной детали, ни одной лишней черты: только суть, экстракт, синтез, открывающийся глазу в сотую долю секунды, когда собраны в фокус, спрессованы, заострены все чувства. Сегодняшний читатель и зритель сумеет договорить картину, дорисовать слова – и им самим договоренное, дорисованное – будет врезано в него неизмеримо прочнее, вращет в него органически. Здесь – путь к совместному творчеству художника и читателя или зрителя»*⁸².

В романе «Мы» все второстепенные герои преподносятся через определяющую, синтетическую черту-деталь.

Полон метафор портрет поэта R-13. В его портрете повторяются две-три основные черты: лакированные глаза, толстые губы, голова-чемоданчик: *«Я вздрогнул. На меня – черные, лакированные смехом глаза, толстые, негрские губы. Поэт R-13, старый приятель...»* Когда жизнерадостный R расстраивается, те же детали портрета превращаются в психологическую характеристику: *«Толстые губы висели, лак в глазах съело»*.

R-13 – поэт, он *«говорит захлебываясь, слова из него так и хлещут, из толстых губ – брызги; каждое «п» – фонтан, «поэты» – фонтан»*. В R есть что-то от Маяковского, и в его портретном описании использованы образы поэзии Вл. Маяковского. От первого поэта России – А.С. Пушкина – R-13 тоже унаследовал портретные черты: «негрские губы». Е.А. Яблоков пишет: *«В системе Единого Государства этот персонаж играет роль, так сказать, «Пушкина сегодня». Не случайно в Древнем Доме присутствует изображение (види-*

---

⁸² Замятин, Е. Закулисы [Текст] / Замятин, Е. // Там же. Т.3, С. 195.

мо, бюст) “какого-то из древних поэтов (Пушкина, кажется)”»⁸³.

Ещё одна повторяющаяся портретная деталь: «...затылок у него – это какой-то четырехугольный, привязанный сзади чемоданчик (вспомнилась старинная картина – “В карете”»». Эта оригинальная метафорическая деталь портрета затем тоже превращалась в психологическую характеристику⁸⁴.

Номер у R несчастливый – 13⁸⁵. Жизнь его окончилась трагедией. И об этой трагедии читатель тоже узнаёт через портрет: «Нагнулся: труп. Он лежал на спине, раздвинув со-

---

⁸³ Яблоков, Е.А. «Нумеронимика и нумерология в романе Е. Замятина “Мы”» [Текст] // Там же. С. 306.

⁸⁴ Примеры повторяющихся портретных черт R-13:

«Мокрые, лакированные губы добродушно шлепнули...»

«R-13 вскочил, повернулся, уставился куда-то сквозь стену. Я смотрел на его крепко запертый чемоданчик и думал: что он сейчас там перебирает – у себя в чемоданчике?»

«Снова медленный, тяжкий жест – и на ступеньках Куба второй поэт. Я даже привстал: быть не может? Нет: его толстые, негрские губы, это он...»

«Он насупился, тер затылок – этот свой чемоданчик с посторонним, непонятным мне багажом. Пауза. Вот нашел в чемоданчике что-то, вытащил, развертывает, развернул – залакировались смехом глаза, вскочил».

«Распяленные негрские губы. Вытарашенные глаза...»

«R, оскалив белые, негрские зубы, брызнул мне в лицо какое-то слово, нырнул вниз, пропал».

⁸⁵ «Число “13” должно прежде всего восприниматься как знак «поэтической» иррациональности – хотя, будучи государственным поэтом, R-13 вынужден заниматься поэзией как службой, т.е. “творить” чисто механически» (Яблоков, Е.А. «Нумеронимика и нумерология в романе Е. Замятина “Мы”» [Текст] // Там же. С. 305.)

Е.А. Яблоков находит, что цифровая символика большинства персонажей сходится на цифре 13. «С учётом традиционного числового значения буквы «Д»=5 оказывается, что нумероним Д-503 даёт в сумме (5+5+3) число 13» (Там же; С. 307). Герой S-4711: «Показательно, что сумма цифр в составе индекса вновь даёт число 13» (Там же; С. 310). В имени I-330 число 13 просматривается в I-3...

гнутые ноги, как женщина. Лицо... Я узнал толстые, негрские и как будто даже сейчас еще брызжущие смехом губы. Крепко зажмуривши глаза, он смеялся мне в лицо».

Следующий персонаж, который сопровождает Д-503 от начала до конца романа, и в ком герой тоже обманулся – S-4711⁸⁶: *«и с краю нашей четверки – неизвестный мне мужской номер – какой-то дважды изогнутый, вроде буквы S».* Затем герой узнаёт, что имя у него действительно S: *«На бляхе у него сверкнуло: S-4711 (понятно, почему от самого первого момента был связан для меня с буквой S: это было не зарегистрированное сознанием зрительное впечатление). И сверкнули глаза – два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались все глубже, и вот сейчас довинтятся до самого дна, увидят то, что я даже себе самому...»* Графическое написание имени S тоже схематичный портрет.

Одна портретная деталь выдаёт профессию S – шпион, хранитель: большие уши, крылья уши. *«...голова – и она несется, потому что по бокам – оттопыренные розовые крылья-уши. И затем кривая нависшего затылка – сутулая спина – двоякоизогнутое – буква S...».* Ещё до саморазоблачения S (являясь хранителем и шпионом, он сотрудничает с революционерами) благодаря постоянному повторению черты «двойкий» его двойственная сущность обнаруживается, а в совокупности с другими деталями становится понятной внимательному читателю едва ли не сначала романа. Шпионская черта – глаза-буравчики, просверливающие душу: *«Буравчики достали во мне до дна, потом, быстро вращаясь, – ввинтились обратно в глаза; S – двояко улыбнулся, кивнул мне, проскользнул к выходу».* Эти, узнаваемые после первого знакомства, черты часто заменяют в повествовании имя⁸⁷.

---

⁸⁶ Обратим внимание, что первые цифры имени тоже в сумме дают 13: 4+7.

⁸⁷ Примеры повторяющихся портретных черт S:

Интересен портрет-деталь ещё одного героя. У него нет имени-номера – он просто *доктор*. В романе доктор, появляясь, как правило, выручает Д-503 в трудные моменты: выпишивает липовую справку, практически выдёргивает его из рук хранителей... Портрет доктора тоже сюрреалистический. Он словно составлен из хирургических инструментов: *«И человек – тончайший. Он весь как будто вырезан из бумаги, и как бы он ни повернулся – все равно у него только профиль, остро отточенный: сверкающее лезвие – нос, ножницы – губы»*. По этим чертам герой узнаёт доктора в любой толпе⁸⁸. Читатель тоже не нуждается в имени, так как детали портрета, словно говорящая фамилия, не только называют человека, но и определяют его суть.

Поведём итоги. Через портрет в романе «Мы» создаётся образ нового мира – Единого Государства, с его тираном-Благодетелем, летописцем Д-503, революционером и серой

«<...> внизу – вписанная в темный квадрат тени от оконного переплета, **размахивая розовыми крыльями-ушами**, неслась голова S».

«А внизу **S-образно изогнутая спина**, прозрачно колыхающиеся от гнева или от волнения **крылья-уши**. Поднявши вверх правую руку и беспомощно вытянув назад левую – как больное, подбитое крыло, он подпрыгивал вверх – сорвать бумажку – и не мог, не хватало вот столько».

«S оборотился, быстро-быстро **буравчики** в меня, на дно, что-то достал оттуда. Потом поднял вверх левую бровь, бровью подмигнул на стену, где висело «Мефи». И мне мелькнул хвостик его улыбки – к моему удивлению, как будто даже веселой». И др.

⁸⁸ Примеры повторяющихся портретных черт доктора:

«Двое: один – коротенький, тумбоногий – глазами, как на рога, подкидывал пациентов, и другой – **тончайший, сверкающие ножницы-губы, лезвие-нос...** Тот самый. Я кинулся к нему, как к родному, **прямо на лезвия** – что-то о бессоннице, снах, тени, желтом мире. **Ножницы-губы** сверкали, улыбались».

Герой встречает доктора за зелёной стеной в диком мире: «Рядом с I – на зеленой, головокружительно-прыгающей сетке чей-то **тончайший, вырезанный из бумаги профиль...** нет, не чей-то, а я его знаю. Я помню: доктор <...>»

массой номеров.

Портрет работает также на создание образов героев. Несколько ёмких повторяющихся деталей рисуют внешний облик героев, выражают характер, передают оттенки чувств... Портрет в романе тесно связан с именем. Иногда имя само выступает как абстрактный портрет: О, I, S. Иногда портрет берёт на себя функцию имени.

Черта всех портретных зарисовок в романе «Мы» – их связь с живописью. Портрет серого общества, словно карандашный, графический эскиз. Почти все герои созданы в стиле абстракционизма и сюрреализма, хотя последний наберёт силу только к 30-м гг. XX века. «Кистью» мастера чаще всего выступает метафора или цветовой эпитет. Синтетическая, живописная составляющая – основная черта стиля Е. Замятина, в полную силу проявившая себя именно в описательных составляющих романа.

Интерьер

в романе Е. Замятина «Мы»: образ мира и образ человека

«...Среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен – мы живём всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга».

Интерьер в художественной литературе – категория, на которую исследователи мало обращают внимания. Нет такого литературоведческого термина «*интерьер*», хотя есть «*пейзаж*» и «*портрет*», но ведь отличие интерьера только в объекте описания: портрет описывает внешний облик человека – создаёт образ героя; пейзаж описывает природу – творит её образ, образ мира; интерьер в свою очередь описывает внутреннее пространство помещения, воплощает образ дома.

Интерьер непосредственно связан с человеком, а в художественном произведении – с героем, значит дополняет и углубляет его образ. Впрочем, интерьер в литературе может иметь много функций.

✓ **Создаёт образ героя.** Часто интерьер – это внутренний мир, душа дома, поэтому он более всего характеризует индивидуальность человека: социальное положение, вкусы, черты характера... Вспомним комнату Евгения Онегина или дома всех помещиков, которых навещает Чичиков в «Мёртвых душах». В этом плане интерьер близок портрету.

✓ **Создаёт образ эпохи.** Яркий пример как раз интерьеры в романе «Мы» Е. Замятина, в которых сопоставляются интерьеры Древнего дома и новых квартир Единого государства.

✓ **Помогает творить художественный образ мира.** Все интерьеры в романе «Преступление и наказание», совместно с городским пейзажем, создают образ мира, наполненного притаившимися в тёмных углах сыростью, болезнью, злом... Интерьеры в романе «Мы» Е. Замятина – это тоже способ сопоставления разных миров: мира древних людей и мира Единого государства.

✓ **Является «говорящей» деталью, символом.** Например, комната Раскольникова сравнивается с «гробом», а описание интерьера разворачивает этот образ в ёмкий символ. Ночлежка в пьесе «На дне» названа М. Горьким «пещерой» – в контексте философии Ф. Ницше, совместно со смыслом названия образ звучит весьма многозначительно. «Нехорошая квартира» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» полна символических деталей-символов, впрочем, при рассмотрении интерьеров в этом произведении читатель легко проследит все вышеперечисленные функции.

Исходя из основных функций, можно вывести определение интерьера в литературном произведении, но будет правильно сначала познакомиться с определением, которое даётся в толковых и искусствоведческих словарях:

прямом значении, а его описание, и это, конечно, не жанр, то под **интерьером** в прозе литературоведы могли бы понимать **описание внутреннего пространства помещения, которое служит для создания образов героя, дома, мира, эпохи.**

В отличие от определений пейзажа и портрета, когда первое – это образ природы, второй – образ человека, об интерьере с такой однозначностью сказать нельзя, так как интерьер одновременно работает на создание нескольких образов. Хотя и пейзаж с портретом не столь однозначны – они также отражают и эпоху, и мир, и человека, но всё же главная функция их просматривается с большей очевидностью – образ природы, образ человека. Интерьер более связан с образом дома. Образ дома в литературоведении более исследованная категория и в какой-то степени она компенсировала отсутствие в литературоведении термина «интерьер».

В романе «Мы» Е. Замятина через интерьеры, образы дома, сопоставляются два мира, две цивилизации. Подобное сравнение двух миров было приведено в главе о пейзаже, где анализировались импрессионистический, сюрреалистический мир природы за Зелёной стеной и город Единого государства, отлитый из бетона и стекла в стиле конструктивизма. Предлагаем продолжить разговор об антонимичных образах двух миров на основе анализа интерьеров – это позволит 1) существенно дополнить образы миров, отграниченных друг от друга Зелёной стеной, 2) глубже увидеть образы героев через личное пространство комнаты, 3) расширить культурный контекст романа.

**Иррациональные величины:
Дом древних, интерьеры во снах Д-503**

«...В Древнем Доме, среди заглушающего логический ход мыслей пестрого шума – красные, зеленые, бронзово-желтые, белые, оранжевые цвета... И все время – под застывшей на мраморе улыбкой курносого древнего поэта».

Мир древних познается главным образом через интерьеры Древнего Дома. И с первого же попадания в этот дом герой сравнивает и противопоставляет его новой жизни, новой архитектуре: *«Я открыл тяжелую, скрипучую, непрозрачную дверь – и мы в мрачном, беспорядочном помещении (это называлось у них «квартира»).* Тот самый странный, «королевский» музыкальный инструмент – и дикая, неорганизованная, сумасшедшая – как тогдашняя музыка – пестрота красок и форм. Белая плоскость сверху; темно-синие стены; красные, зеленые, оранжевые переплеты древних книг; желтая бронза – канделябры, статуя Будды; исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения линии мебели. Я с трудом выносил этот хаос».

Можно себе представить, как ошеломлён Д-503, впервые попавший из стеклянно-бетонного мира, где всё математически выверено, в эту «неорганизованную, сумасшедшую» пестроту. Невольно он начинает сравнивать, искать привычное стекло: *«Мы прошли через комнату, где стояли маленькие, детские кровати (дети в ту эпоху были тоже частной собственностью).* И снова комнаты, мерцание зеркал, угрюмые шкафы, нестерпимо пестрые диваны, громадный «камин», большая, красного дерева кровать. *Наше тепереш-*

нее – прекрасное, прозрачное, вечное – стекло было только в виде жалких, хрупких квадратиков-окон <...>»

Интерьер, судя по всему, в стиле модерн («пестрота красок и форм», «не укладывающиеся ни в какие уравнения линии мебели»), то есть Древний Дом – это дом рубежа XIX–XX вв. Для Замятина это уже вчерашний день, для всего мира это ещё «сегодня». Ф.О. Шехтель хоть и создаёт в то время свои творения, но уже только на бумаге: с середины десятых годов ни один из его проектов не был воплощён в жизнь⁹⁰, зато продолжают удивлять архитектурные шедевры 1900-х годов (рис. 18). В Барселоне Антонио Гауди продолжает творить уникальные дома и храмы в этом стиле до 1926 года (рис. 17), а австрийский архитектор Фриденсрайх Хундертвассер умер только в 2000 году, оставив уникальные произведения архитектуры «исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения».

Пестрота цвета в интерьере Древнего Дома какая-то матисовская, гогеновская, даже статуя Будды, словно с полотен П. Гогена. Именно **фовисты**⁹¹ (Матис, Ван Гог, Гоген) уделяли в своих картинах огромное внимание интерьеру, наполняли комнаты неудержимым буйством цвета (рис. 19, 20). Замятин неслучайно описал дом древних *диких* людей в стиле фовизма: от французского *fauve* – «дикий». Картины Ван Гога, Матиса пугали современников «дикостью» цвета – они словно бред возбуждённого сознания.

То же происходит и с Д-503: «дикий» дом впечатляет

---

⁹⁰ Кроме Павильона Туркестана на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке (1923, Москва, Нескучный сад), который не сохранился.

⁹¹ **Фовизм** (от фр. *fauve* – дикий) – направление во французской живописи конца XIX – начала XX вв. Французский критик Луи Восель назвал живописцев дикими зверями (фр. *les fauves*) из-за буйства цвета, экспрессивности красок в их творчестве.

героя до такой степени, что в совершенный, чистый механизм его сознания проникает вирус – сны. Снов боится и викарый Дьюли, герой повести Е. Замятина «Островитяне», потому что *«сны никак было не подвести под расписание»*, составленное согласно «Завету». «Завет» – прообраз Скрижали в романе «Мы». Вот сон Д-503:

«Ночь. Зеленое, оранжевое, синее; красный королевский инструмент; желтое, как апельсин, платье. Потом – медный Будда; вдруг поднял медные веки – и полился сок: из Будды. И из желтого платья – сок, и по зеркалу капли сока, и сочится большая кровать, и детские кроватки, и сейчас я сам – и какой-то смертельно-сладостный ужас...

Проснулся: умеренный, синеватый свет; блестит стекло стен, стеклянные кресла, стол. Это успокоило, сердце перестало колотиться. Сок, Будда... что за абсурд? Ясно: болен. Раньше я никогда не видел снов. Говорят, у древних – это было самое обыкновенное и нормальное – видеть сны. Ну да: ведь и вся жизнь у них была – вот такая ужасная карусель: зеленое – оранжевое – Будда – сок. Но мы-то знаем, что сны – это серьезная психическая болезнь».

Может, здесь скрытая ирония Замятина по отношению к фовистам, потому что сон-то явно бредовый, даже в какой-то степени перекидывающий мостик к сюрреализму С. Дали (на его картинах и даже некоторых скульптурах тоже всё течёт и капает). Мостик такой в истории изобразительного искусства действительно есть, но Е. Замятин в 20-м году этого не знал, как не знал тогда и сам С. Дали, ещё только подражающий Ван Гог, Матису и Гогену.

«Абсурдный» дом древних, дом из сна Д-503 противопоставлен стеклянным комнатам Единого государства, реальности, логичности, разуму. Потом, когда Д-503 снова попадёт в эту комнату, сон воплотится в реальность: *«Полумрак комнат, синее, шафранно-желтое, темно-*

зеленый сафьян, золотая улыбка Будды, мерцание зеркал. И – мой старый сон, такой теперь понятный: все напитано золотисто-розовым соком, и сейчас перельется через край, брызнет – –».

Д-503 видит два вещих сна, в обоих ему снятся комнаты: комната Древнего дома и своя, стеклянная. Обе они во снах наполнены страстью – с ними связана любовь и по талонам и без, и законная и преступная. Оба сна тревожные, они не предвещают ничего хорошего. Вот второй сон (кораблестроитель Замятин, а с ним и его герой видят погружение в сон, как уходящий под воду корабль):

*«Вчера лег – и тотчас же канул на сонное дно, как перевернувшийся, слишком перегруженный корабль. Толща глухой колыхающейся зеленой воды. И вот медленно всплываю со дна вверх и где-то на середине глубины открываю глаза: моя комната, еще зеленое, застывшее утро. **На зеркальной двери шкафа – осколок солнца – в глаза мне.** Это мешает в точности выполнить установленные Скрижалью часы сна. Лучше бы всего – открыть шкаф. Но я весь – как в паутине, и паутина на глазах, нет сил встать...*

*Все-таки встал, открыл – и вдруг за зеркальной дверью, выпутываясь из платья, вся розовая – I. Я так привык теперь к самому невероятному, что, сколько помню, – даже совершенно не удивился, ни о чем не спросил: скорей в шкаф, захлопнул за собою зеркальную дверь – и задыхаясь, быстро, слепо, жадно соединился с I. Как сейчас вижу: сквозь дверную щель в темноте – **острый солнечный луч переламавается молнией на полу, на стенке шкафа, выше – и вот это жестокое, сверкающее лезвие упало на запрокинутую, обнаженную шею I... и в этом для меня такое что-то страшное, что я не выдержал, крикнул – и еще раз открыл глаза.***

Моя комната. Еще зеленое, застывшее утро. На двери шкафа осколок солнца. Я – в кровати. Сон».

Двойной сон – тревожный, пророческий, в нём предсказана трагическая развязка. Подобным сном в своём произведении мог бы гордиться любой из писателей-символистов: в нём есть мистическое проникновение за пределы реальности, предзнаменование. Даже Д-503, для которого простота и ясность стеклянного мира, где, казалось бы, нет места тайне, вынужден признаться: *«И я не знаю теперь: что сон – что явь; иррациональные величины прорастают сквозь все прочное, привычное, трехмерное, и вместо твердых, шлифованных плоскостей – кругом что-то корявое, лохматое...»*

Во снах – в этой иррациональной реальности – герой вырывается за плоскость линейного существования: он предчувствует будущее, осознаёт сложность мира, в котором даже за математическими формулами видны иррациональные величины: *«Всякому уравнению, всякой формуле в поверхностном мире соответствует кривая или тело. Для формул иррациональных, для моего $\sqrt{-1}$, мы не знаем соответствующих тел, мы никогда не видели их... Но в том-то и ужас, что эти тела – невидимые – есть, они непременно, неминуемо должны быть: потому что в математике, как на экране, проходят перед нами их причудливые, колючие тени – иррациональные формулы; и математика, и смерть – никогда не ошибаются. И если этих тел мы не видим в нашем мире, на поверхности, для них есть – неизбежно должен быть – целый огромный мир там, за поверхностью...»*

Раздражающий, непонятный Древний дом для Д-503 – отражение нерациональности, неразумности человеческого мира древних; комнаты номеров – образец гармонии и ясности, но после двух, даже трёх, снов он чувствует, что в мире есть ещё и иррациональные величины, которые пронизывают весь мир, нарушают стройный математический порядок,

---

участвуют во снах, подают знаки в жизни... Будучи человеком, не любящим «засорять» своё сознание думами об иррациональном, и будучи целиком поглощённым самым иррациональным чувством – любовью, Д-503 не развивает более философских размышлений на этот счёт, хотя и фиксирует знаки вмешательства «невидимых тел» в его жизнь.

**Интерьеры квартир Единого государства:
«нам нечего скрывать друг от друга»,
но «мы все были разные...»**

Интерьер, как мы знаем, отражает характер, темперамент человека. Выполняют ли эту функцию одинаковые интерьеры комнат, где живут пронумерованные люди? Вопрос того же плана, что и про имена: имеет ли какое-то значение имя-номер. Мы увидели, что номер («нумероним») может быть весьма содержательным: 1) включает в себе портрет героя, 2) свидетельствует о его благонадёжности или революционности по отношению к государству, 3) цифры в именах связывают героев друг с другом, формируя такую систему образов, которую хочется сравнить со слаженным механизмом (подробнее см. главу «Портрет»).

В романе помимо комнаты Д-503 читатель видит комнату поэта R-13 и комнату I-330.

Комната R-13 показана в начале романа и, видимо, с единственной целью – отразить в мелочах индивидуальность героя: *«Дальше – в комнате R. Как будто – все точно такое, что и у меня: Скрижаль, стекло кресел, стола, шкафа, кровати. Но чуть только вошел R – двинул одно кресло, другое, – плоскости сместились, все вышло из установленного габарита, стало неэвклидным. R – все тот же, все тот же. По Тэйлору и математике – он всегда шел в хвосте».*

В комнате всё «как будто» точно такое же: специально или машинально R всего лишь сдвигает мебель, но в этом жесте явлено его желание быть свободным, индивидуальным, что свойственно поэтам.

Когда Д-503 впервые идёт к I-330, его чувства в пути отражены через пейзаж, а затем пейзажное описание переходит в интерьерное и портретное. Интерьер сливается с портретом: герой сначала видит I за столом – потом запрещённые предметы на столе – дым сигареты у губ: *«Я стоял у стеклянной двери с золотыми цифрами: I-330. I, спиной ко мне, над столом, что-то писала. Я вошел... <...> Она сидела в низеньком кресле. На четырехугольном столике перед ней – флакон с чем-то ядовито-зеленым, два крошечных стаканчика на ножках. В углу рта у нее дымилось – в тончайшей бумажной трубочке это древнее курение (как называется – сейчас забыл)».*

Интересна деталь «низенькое кресло». Так как мебель стандартная, то, скорее всего, это героиня высокая – деталь интерьера стала деталью портрета. I-330 курит и пьёт абсент, не боясь быть замеченной соседями, потому что окна занавешены, а это бывает только по соответствующим табелю сексуальным дням. Любовь стала ширмой для преступления и подготовки революции.

Позже читатель видит комнату I-330 в беспорядке после обыска, и этот беспорядок, возможно, лучше всего характеризует героиню – как-то сложно представить её в стандартизированной стеклянной клетке: *«И сквозь стеклянную дверь: все в комнате рассыпано, перепутано, скомкано. Впопыхах опрокинутый стул – ничком, всеми четырьмя ногами вверх – как издохшая скотина. Кровать – как-то нелепо, наискось отодвинутая от стены. На полу – осыпавшиеся, затоптанные лепестки розовых талонов».*

Как и портрет I, так и её комната – сюрреалистичны.

Стул с «ногами» в виде «издохшей скотины» в который раз отсылает к творчеству С. Дали, и в который раз нужно констатировать факт, что в сюрреалистической образности Е. Замятин опередил испанского художника.

Образ I-330 сильнее всего связан с теми иррациональными величинами, о которых размышляет герой: *«иррациональные величины прорастают сквозь все прочное, привычное, трехмерное»*. Сама героиня – такая иррациональная величина: она до конца осталась загадкой для Д-503, хотя он и разгадал «раздражающий икс» на её лице, понял её обман, но не проник в главную тайну – в её душу. Вспомним, что портрет I-330 явлен в сюрреалистической манере в виде комнаты – эта комната и есть её внутренний мир, куда обманутый герой так и не вошёл:

«В этот момент – я видел только ее глаза. Мне пришла идея: ведь человек устроен так же дико, как эти вот нелепые «квартиры» – человеческие головы непрозрачны, и только крошечные окна внутри: глаза <...>

Передо мною – два жутко-темных окна, и внутри такая неведомая, чужая жизнь. Я видел только огонь – пылает там какой-то свой «камин» – и какие-то фигуры, похожие...

Это, конечно, было естественно: я увидел там отраженным себя. Но было неестественно и непохоже на меня (очевидно, это было удручающее действие обстановки) – я определенно почувствовал страх, почувствовал себя пойманным, посаженным в эту дикую клетку, почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни.

– Знаете, что, – сказала I, – выйдете на минуту в соседнюю комнату. – Голос её был слышен оттуда, изнутри, из-за тёмных окон глаз, где пылал камин».

Характеристика образа героя через интерьер – распро-

странённый в литературе и в живописи приём, а вот соединить, синтезировать портрет с интерьером первым придумал Е. Замятин. Всё тот же С. Дали в знаменитой картине и инсталляции «Лицо Мэй Уэст, использованное в качестве сюрреалистической комнаты» (1934–1935) (рис. 15, 16) сделал это почти на 15 лет позже (см. главу «Портрет»).

Кроме жилых комнат героев, в романе показаны лаборатория доктора: «*Стеклянная, полная золотого тумана комната. Стеклянные потолки с цветными бутылками, банками. Провода. Синеватые искры в трубках*»; аудиториум для заседаний: «*Огромный, насквозь просолнеченный полушар из стеклянных массивов*». В них прослеживаются те же главные черты: прозрачность, «просолнеченность».

«...Среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен – мы живём всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга».

Мир Единого государства «*отлит из того же самого незыблемого, вечного стекла, как и Зеленая Стена, как и все наши постройки*»; вся архитектура – это «*божественные параллелепипеды прозрачных жилищ*». Конструктивизм победил и уничтожил в новом мире все другие стили архитектуры, возобладал он и в дизайне интерьера. Стеклянные, прозрачные квартиры, когда «*сквозь просолнеченные стены – мне далеко видно вправо и влево и вниз – повисшие в воздухе, пустые, зеркально повторяющие одна другую комнаты*» – потому что «*нам нечего скрывать друг от друга*». Стены навешиваются и погружаются в полутьму только в соответствующий табелю сексуальный день. В остальные же дни все

номера просыпаются по предписанию Скрижали ровно в семь и своими слаженными движениями обычных утренних действий кажутся отражёнными в бесконечном ряду зеркал: *«Бодрый, хрустальный колокольчик в изголовии: 7, вставать. Справа и слева сквозь стеклянные стены – я вижу как бы самого себя, свою комнату, свое платье, свои движения – повторенными тысячу раз. Это бодрит: видишь себя частью огромного, мощного, единого. И такая точная красота: ни одного лишнего жеста, изгиба, поворота».*

Интерьер в этих комнатах-клетках для номеров упоминается вскользь – для Д-503 в нем нет ничего интересного: у всех *«...все точно такое, что и у меня: Скрижаль, стекло кресел, стола, шкафа, кровати».* Мебель стеклянная, но в остальном привычная даже «древнему» человеку.

Единственное, на чём стоит задержать внимание, говоря об интерьере комнаты – это их *«просолнеченность».* Солнце – главное и единственное украшение интерьера. Комнаты полны игры света: утром и вечером их окрашивает розовым заря и закат, днём их наполняет поток солнечного света (см. главу «Пейзаж» – § «Сквозной образ солнца в романе»).

Итак, в романе «Мы» Е. Замятина интерьер – весьма значительная описательная категория, и только к образу дома не сводится. Через него формируются антонимичные образы двух миров, добавляются важные детали-характеристики к образам героев, кроме того, интерьер в романе вступает в диалог с искусством XX века и открывает новые возможности словесной художественной образности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кредо своего творчества Е. Замятин выразил в словах: *«только суть, экстракт, синтез, открывающийся глазу в сотую секунды, когда собраны в фокусе, спрессованы, заострены все чувства»*. Анализируя пейзаж, портрет и интерьер, мы, главным образом, пытались понять, как автор добивается удивительной концентрации, «экстракта» смыслов в романе-пророчестве «Мы», то есть перед нами стоял вопрос индивидуального стиля Е. Замятина. Подведём итоги.

Е. Замятин – мастер словесной живописи. При создании трёх миров в романе – мир Единого Государства, мир древних, мир за Зелёной стеной – автор использовал философию и стилизовал методы нескольких художественных направлений. В стиле абстракционизма, конструктивизма он создаёт мир Единого государства, с помощью импрессионизма – мир за Зелёной стеной, а эпоху древних, отражённую в музее – Древнем доме – рисует, стилизуя манеру фовизма, модерна, сюрреализма, экспрессионизма... Точно также и с образами героев: серые номера Единого государства, словно графический эскиз, а дикие люди за стеной – импрессионистическое впечатление.

Пейзажные описания в романе реализуют несколько задач: 1) создание образов трёх миров, 2) психологическая характеристика героя-рассказчика, гражданина нового мира, 3) отражение (через образ солнца, неба, тумана) надмирных сил, «иррациональных величин», влияющих на события и жизнь человека.

Портреты в романе «Мы», преимущественно, работают на формирование образа нового мира – Единого Государства, с его тираном-Благодетелем, летописцем Д-503, революционерами и серой массой номеров. Несколько ёмких повторяющихся деталей портрета рисуют внешний облик героев, выражают характер, передают оттенки чувств... Портрет в романе тесно связан с именем. Иногда имя само выступает как абстрактный портрет, иногда портрет берёт на себя функцию

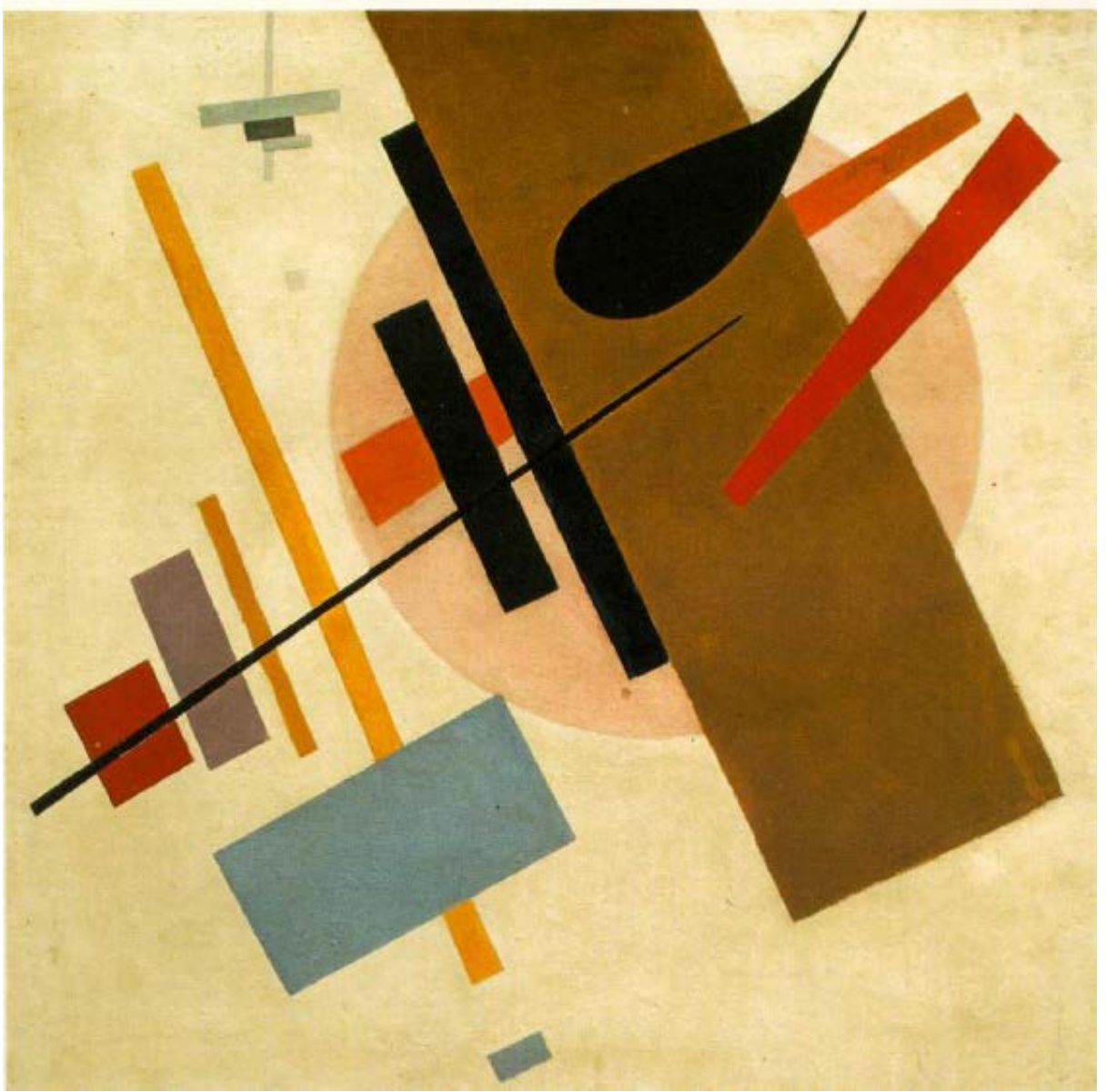

имени. Черта всех портретных зарисовок в романе «Мы» – их связь с живописью. «Кистью» мастера чаще всего выступает метафора или цветовой эпитет. Синтетическая, живописная составляющая – основная черта стиля Е. Замятина, в полную силу проявившая себя именно в описательных составляющих романа.

В «Мы» Е. Замятина через интерьеры, образы дома продолжают сопоставляться два мира, две цивилизации. Дом древних, построенный, судя по интерьеру, в стиле модерн, противопоставлен конструктивистским квартирам номеров Единого государства, где все одинаково и утилитарно. Через интерьер в романе дорисовываются образы героев, чьи комнаты видит читатель: Д-503, I-330, R-13. Параллельно с этим интерьер в романе вступает в диалог с искусством XX века и открывает новые возможности словесной художественной образности.

Анализ образов трёх миров, образов героев в «Мы» убеждает, что перед нами не столько роман-утопия или памфлет, сколько роман-пророчество. В XXI веке «Мы» Е. Замятина звучит невероятно актуально.

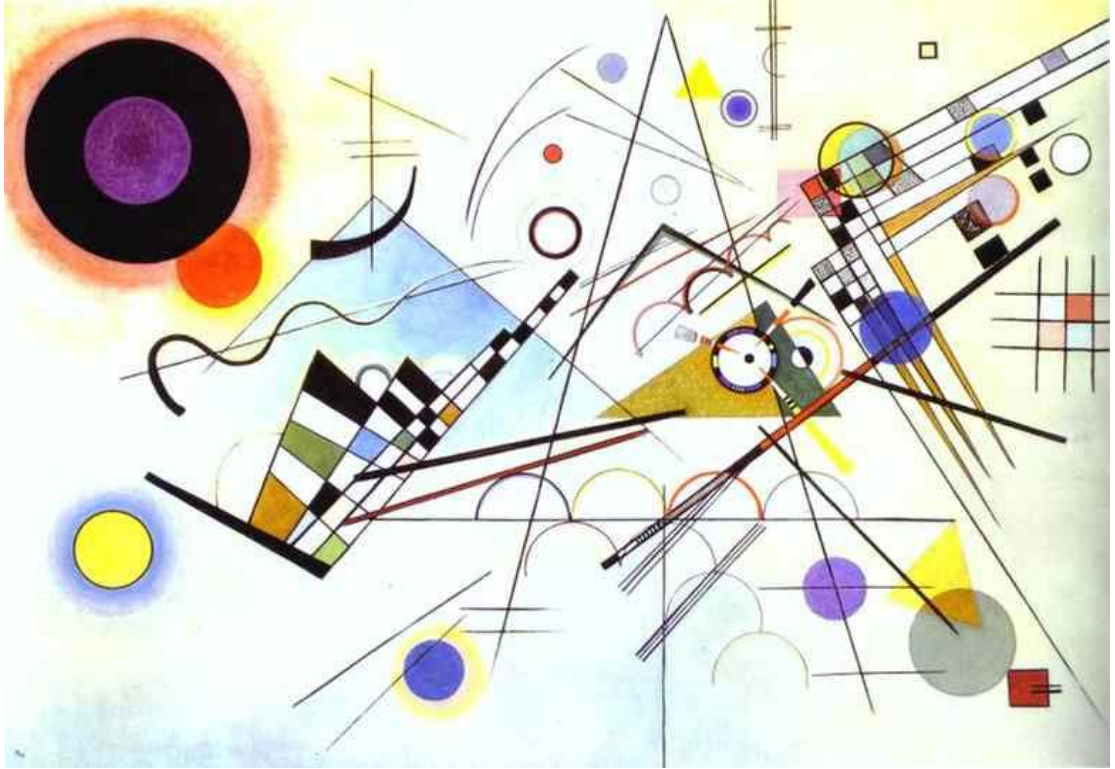
ИЛЛЮСТРАЦИИ

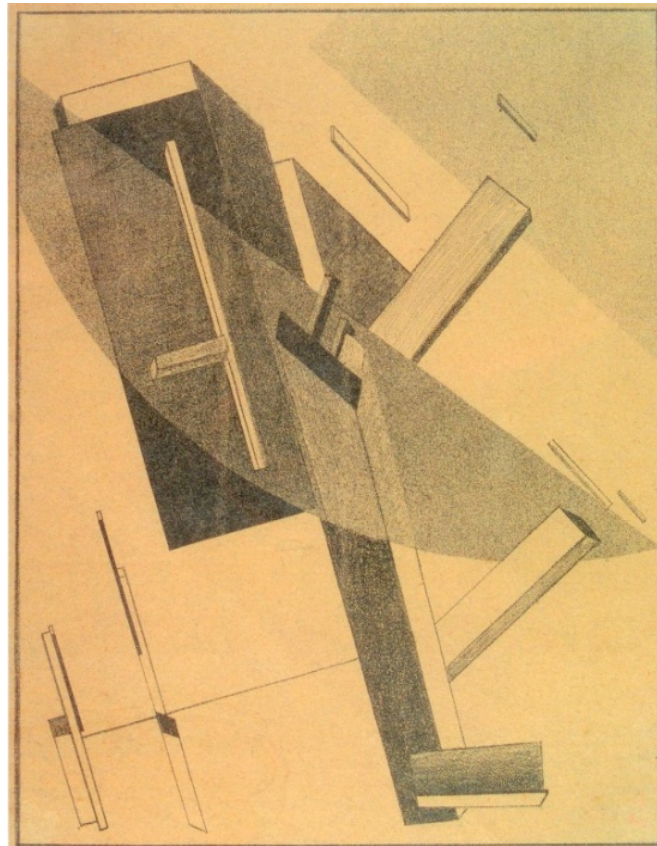
Рис. 1.

К. Малевич «Супрематизм», 1915–1916

Рис. 2. В. Кандинский Композиция №8, 1923

Рис. 3. Эль Лисицкий «Проун 2В»

Импрессионизм

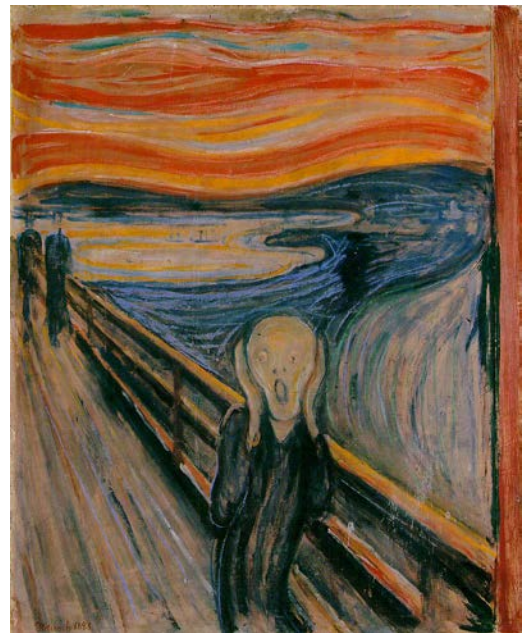

Рис. 4. К. Коровин «Бульвар Капуцинок», 1911

Экспрессионизм

Рис. 5. В. Ван Гог

Рис. 6. Э. Мунк

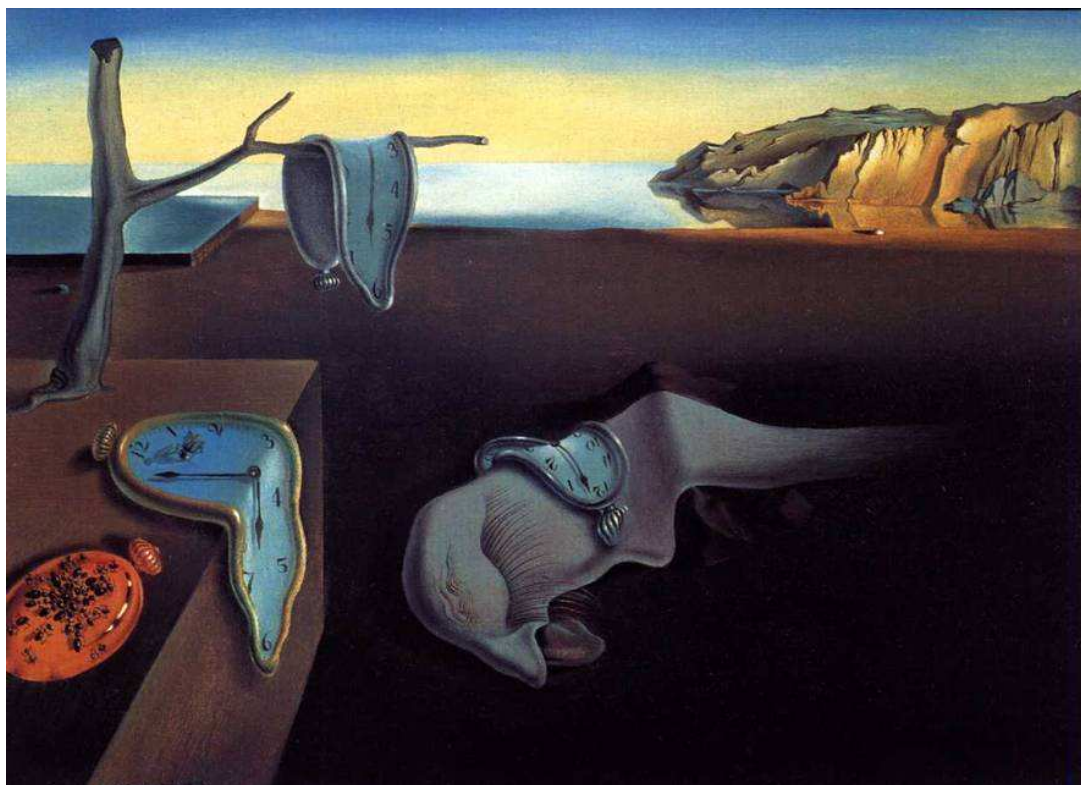
«Церковь в Овере», 1890

«Крик», 1893–1910

Сюрреализм

Рис. 7. С. Дали «Метаморфоза Нарцисса», 1936–1937

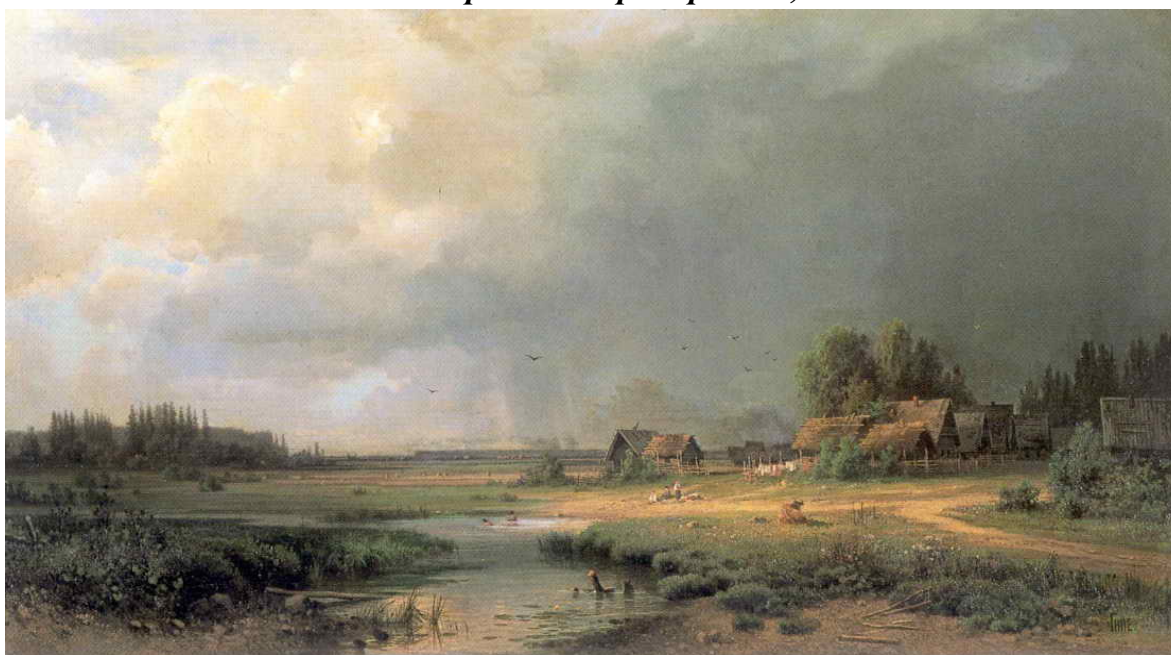

Рис. 8. С. Дали «Постоянство памяти», 1931

Рис. 9. А. Саврасов «Перед грозой», 1850

Рис. 10. А. Гине «Перед грозой», 1860

Рис. 11. Ф. Васильев «Перед грозой», 1868

Рис. 12. И. Левитан «Перед грозой», 1879

Рис. 13. О. Ренуар «Портрет актрисы Жанны Самари», 1877

Рис. 14. Микеланжело «Страшный суд», 1537–1541

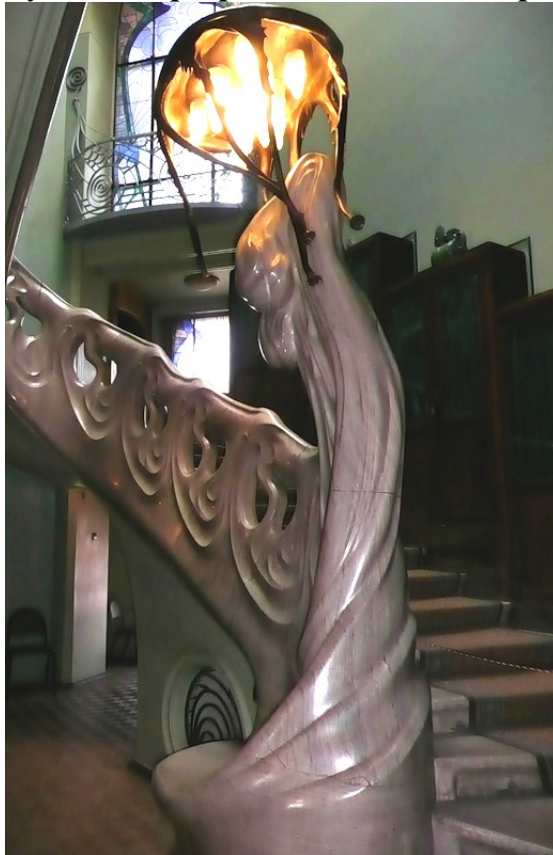

Рис. 15, 16. С. Дали «Лицо Мэй Уэст, использованное в качестве сюрреалистической комнаты», 1934–1935. Картина и инсталляция в Театре-музее С. Дали в Фигерасе

Рис.17. А. Гауди. Интерьер дома Батльо в Барселоне, 1877

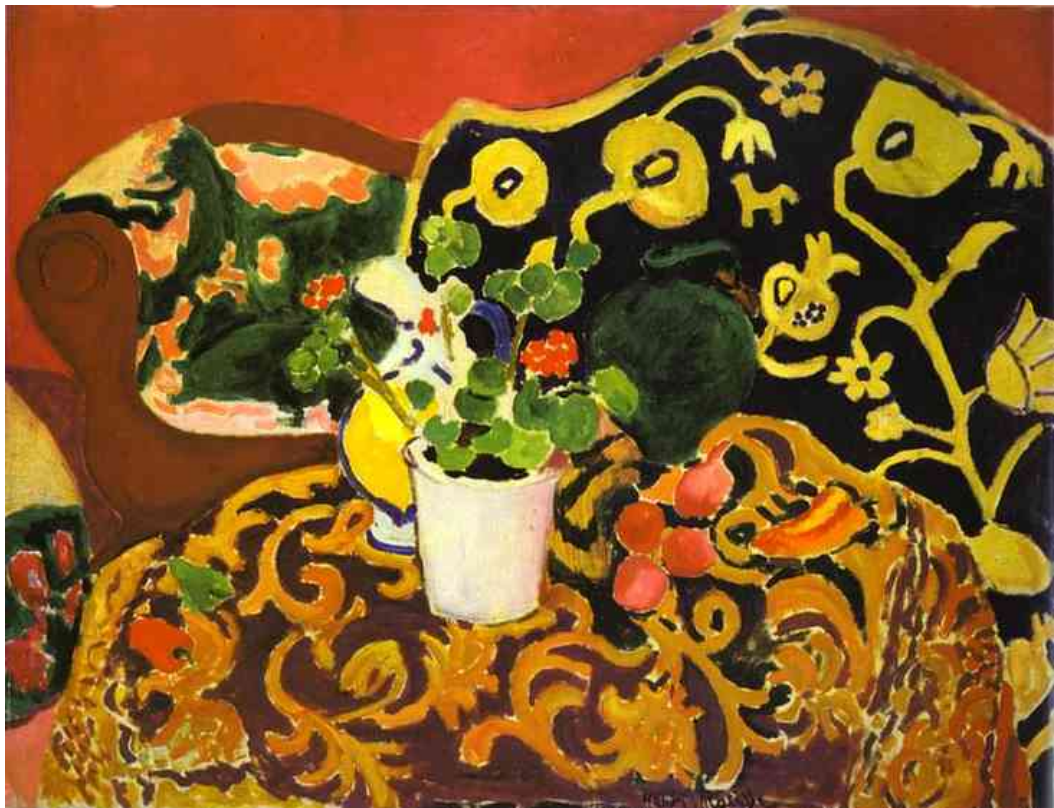

Рис.18. Ф. Шехтель Лестница в Особняке Рябушинского, 1900–1902

Рис.19. А. Матисс «Севильский стиль жизни»

Рис.20. А. Матисс «Испанский стиль жизни»

Научное издание

Дмитриевская Лидия Николаевна

**ОБРАЗ МИРА И ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА:
ПЕЙЗАЖ, ПОРТРЕТ, ИНТЕРЬЕР
В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»**

Монография

Подписано в печать 30.06.2016.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru